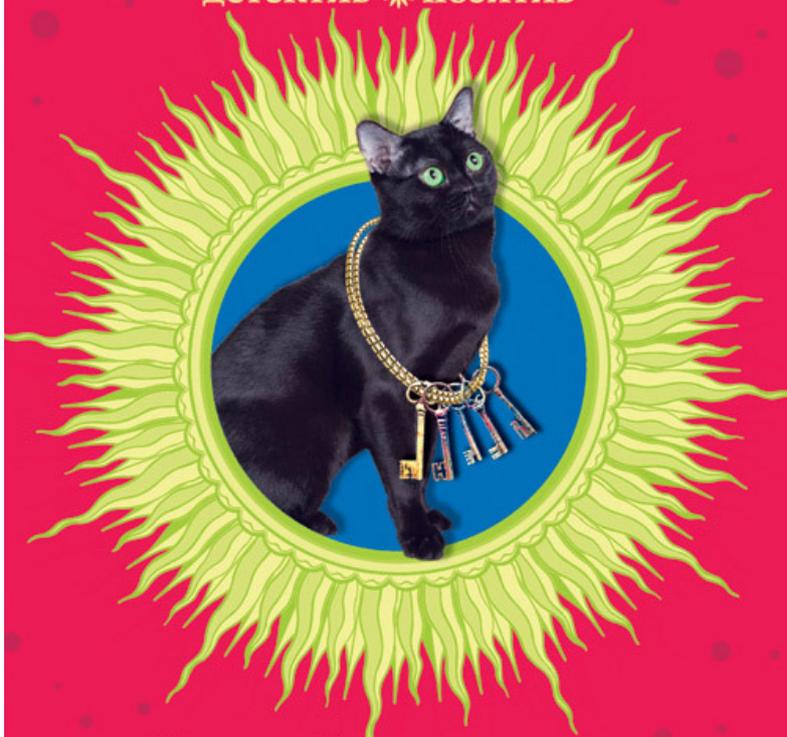

Наталья Александрова

детектив * позитив

Черный кот в мешке,
или Откройте
принцу дверь!

Наталья Николаевна Александрова Черный кот в мешке, или Откройте принцу дверь!

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6899806

Александрова Н. Н. Черный кот в мешке, или Откройте принцу дверь! : роман : Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-71662-3

Аннотация

И зачем люди смотрят мыльные оперы? Достаточно оглянуться вокруг, и станет ясно, что подобных сюжетов в нашей жизни хоть отбавляй. Взять, к примеру, Василису... Симпатичная молодая женщина неожиданно осталась без мужа, без жилья, без работы. Муж невежливо попросил ее убраться из его жизни. Из дома после мерзкого скандала Василиса сбежала сама, а с работы вообще выставили, не объясняя причин. Пришлось Васе согласиться помянуть с огромным бордоским догом, пока хозяева – Борис и Нелли Ланские – улетели во Францию вступать в права огромного наследства. Только Вася успокоилась и обжилась, как вдруг... В новостях объявили о гибели супругов Ланских, а потом началась такая криминальная круговерть вокруг этой семейки и французского наследства, что Василиса сто раз пожалела о том часе, когда согласилась на пустяковую непыльную работенку...

Наталья Александрова

Черный кот в мешке, или Откройте принцу дверь!

© Александрова Н. Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

В Южном Провансе, западнее Ниццы, Канн и Сен-Тропе, располагается Жьенский мыс. Это полоска земли шириной около двух километров, вытянувшаяся узким рукавом с севера на юг, как рука, протянутая Францией в сторону Африки. У основания мыса расположен небольшой город Иер, на южном, расширяющемся конце – совсем маленький городок Жьен, крошечный поселок Тур Фондю и несколько рыбацких деревушек. По краям мыса с одной стороны проложено шоссе, связывающее Жьен с остальным Провансом, с другой – велосипедная дорожка. Средняя часть мыса залита соленой водой, в которой неторопливо бродят стада розовых фламинго. По берегам моря вдоль мыса прячутся в пышной зелени белоснежные виллы.

Здесь не селятся звезды кино и шоу-бизнеса, как в Каннах, знаменитые дизайнеры и «новые русские», как в Сен-Тропе. Владельцы здешних вилл – немногословные, сдержанные люди, которым не нужна скандальная известность: ушедшие на покой биржевые дельцы, финансисты, владельцы солидных фирм, известные адвокаты. Жизнь в окрестностях Жьена тихая и неторопливая, она течет по раз и навсегда заведенному порядку, как будто на дворе не двадцатый первый век, а середина двадцатого, а то и конец девятнадцатого.

Каждое утро мадам Селье, экономка владельца виллы «Мадлен», приходит в маленькую кондитерскую на центральной площади Жьена, чтобы купить свежих круассанов и поболтать с хозяйкой заведения мадам Маню.

– Кажется, сегодня будет дождь, – говорит мадам Маню, аккуратно укладывая теплые круассаны в яркий пакет. – Надо будет убрать с улицы стойку с открытками...

– У вас чудесно расцвела японская камелия! – с пониманием отвечает мадам Селье. – Вы ее чем-то удобряете?

– Конечно! Если хотите, я дам вам немножко этого удобрения.

– Вот кого я совершенно не понимаю, так это господина с виллы «Ротонда», – продолжает мадам Селье, немного понизив голос. – Иметь такую прекрасную виллу и огордить ее глухой стеной! Нет, я его совершенно не понимаю!

Действительно, среди остальных жьенских вилл, окруженных невысокими белыми стенами или ажурными коваными оградами, над которыми нависают пышные лиловые грозди цветущей глицинии, пламенеющие ветви бугенвиллеи, разноцветные плети дамасской розы, вилла «Ротонда», окруженная глухой трехметровой стеной, выглядела, как мрачный военный корабль, случайно затесавшийся в яркую стайку нарядных прогулочных яхт.

– Вы знаете, я никогда не сплетничаю о соседях, – мадам Селье перегнулась через прилавок и еще немного понизила голос: – Но Люсьен, садовник из «Мандарина», говорил, что этот господин из «Ротонды» очень подозрительный тип! Он ни с кем не знается, никого не принимает... он не принял даже господина Лаватера, когда тот хотел нанести ему визит! Вы можете себе представить?

– И ничего не покупает у нас в городке! – вставила мадам Маню, неодобрительно поджав губы. – Ему все привозят откуда-то издалека, на специальном грузовичке! Подумайте только – он обходится даже без свежих булочек!

– Говорят, он то ли португалец, то ли мексиканец, а может быть, даже русский!

– И гости к нему приезжают очень подозрительные! – подхватила булочница. – Вот, смотрите – как раз приехал еще один! Прямо как в каком-нибудь детективном фильме! Помните этот фильм... то ли с Жаном Габеном, то ли с Аленом Делоном...

Действительно, по узкой улочке проехал длинный черный автомобиль и затормозил перед воротами виллы «Ротонда».

Камера над воротами медленно повернулась, просканировала подъехавшую машину, и ворота виллы медленно раздвинулись, пропустив гостя внутрь.

Черный автомобиль миновал подъездную аллею, развернулся и затормозил перед входом на террасу. К нему тут же подошли двое мужчин в черных, не по погоде, костюмах. Дверца автомобиля открылась, из него выбрался невысокий румяный толстяк лет шестидесяти с черным чемоданчиком в руке.

– Позвольте, доктор! – проговорил один из охранников, взяв из рук гостя чемоданчик.

Он отщелкнул замки, внимательно проверил содержимое. В то же время второй человек быстро и профессионально обыскал руками одежду прибывшего.

– Чисто! – Они обменялись взглядами, вернули гостю чемоданчик и пропустили его на террасу.

В дальнем конце этой террасы, откуда открывался изумительный вид на скалистые берега и лазурное безмятежное море, дремлющее в полуденном покое, в глубоком кресле сидел крупный, внушительный старик. Густые седые волосы, зачесанные назад, высокий лоб, изрезанный морщинами, делали бы его лицо красивым и благообразным, если бы не глаза.

Глубоко посаженные, тускло-серые, они смотрели на гостя со странной смесью подозрительности, угрозы и страха. И еще в самой глубине этих глаз таилась надежда.

На столике перед стариком стоял полупустой стакан, тяжелая, морщинистая рука лежала на подлокотнике кресла, вторая – на холке большой белоснежной собаки.

– Здравствуйте, док! – проговорил старик, попытавшись сложить лицо в приветливую улыбку. – Как добрались?

– Прекрасно, Алекс, прекрасно! – Гость быстро огляделся, остановился взглядом на стакане.

– Сок, всего лишь сок! – криво усмехнулся старик. – Я же не самоубийца!

– Я надеюсь, что так! – Толстяк пожевал губами, покачал головой, наклонился над стариком, внимательно взглядываясь в его тусклые глаза с красными прожилками, в сухую, как старинный пергамент, кожу, в узкие губы нездорового синеватого оттенка. Он поставил на стол свой чемоданчик, открыл его, достал оттуда компактный кардиограф. Расстегнул пуговицы рубашки своего пациента, закатал рукава, закрепил на сухой коже электроды. С минуту следил за выползающей из прибора бумажной лентой, на глазах мрачнел.

– Ну что там, док? – осведомился старик с наигранной веселостью. – Сколько я еще протяну?

Толстяк молчал, потирая переносицу, и вдруг лицо старика исказилось яростью:

– Говори мне правду! Нечего разыгрывать тут дешевую мелодраму! Я не истеричная дамочка! Я должен знать, сколько мне осталось, с точностью до дня!

Белоснежная собака, почувствовав волнение хозяина, тоже забеспокоилась, настороженно заворчала.

– С такой точностью не знает никто, кроме Господа Бога! – толстяк испуганно отшатнулся. – Но я уверен, что у вас в запасе не больше двух месяцев...

Собака подняла голову, вопросительно взглянула на хозяина.

– Два месяца? – задумчиво переспросил старик, мгновенно успокоившись.

– Это в самом лучшем случае. Если вы будете строго выполнять мои предписания.

– Буду, – старик резко кивнул. – А если мы сделаем то... то, о чем вы говорили?
– Ну... вы же знаете, какие в вашем случае возникают проблемы... – протянул толстяк, пряча глаза. – У вас очень, очень необычный случай! Можно сказать – уникальный!
– Это мои проблемы! – оборвал его старик. – Так вот – если мы это сделаем?
– В этом случае вы можете прожить еще очень долго, – врач суетливо потер руки. – Но только имейте в виду – я не хочу знать, как вы будете решать эти проблемы!

– Само собой, док, само собой! – успокоил его старик. – Но только вы уж будьте наготове!

– Разумеется. – Врач неторопливо убрал прибор, закрыл свой чемоданчик. – Вы – мой самый важный клиент, и я всегда в вашем распоряжении! Конечно, мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы находились в госпитале, но, как я понимаю, вы на это не согласитесь...

– Правильно понимаете, док! Здесь я в безопасности, среди своих людей, а в госпитале ни в чем нельзя быть уверенным...

– Ну что ж, тогда придется положиться на Господа Бога...

– Проводите дока! – произнес старик совсем негромко, но как будто из жаркого полуденного воздуха мгновенно появился охранник в черном и повел врача обратно к машине.

– И позовите Агата! – добавил старик.

Едва машина врача отъехала от террасы, возле старика появился невысокий худой человек неопределенного возраста с узким, бледным, невыразительным лицом.

При его появлении белоснежный пес насторожился, глухо заворчал, обнажив страшные клыки.

– Спокойно, Роджер, спокойно! – Старик потрепал собаку по шее и проговорил, обращаясь к вошедшему, не поворачивая головы и не повышая голоса: – Агат, список готов?

– Конечно, – на стол лег листок бумаги с аккуратно отпечатанным на нем перечнем имен и адресов.

– Сколько здесь? – процедил старик, наморщив лоб и вглядываясь в записку.

– Семь человек, – отозвался Агат.

– Россия... – прочел старик. – Италия... Кения... Снова Россия... Камбоджа... Австралия... и опять Россия. Ну что ж, все ясно. Начинай. Сроку тебе – месяц. Ни одного дня сверх! Ты понял?

Агат кивнул, лицо его по-прежнему ничего не выражало.

– Сделаешь – не пожалеешь, – продолжил старик многозначительно. – А не сделаешь... – И он выразительно замолчал.

– Сделаю, – коротко ответил Агат.

Он взял со стола список, щелкнул зажигалкой. Желтый, почти невидимый на полуденном солнце язычок пламени лизнул бумагу. Агат, держа список за уголок, дал ему разгореться, затем опустил пылающий листочек в пепельницу.

– Свободен, – отпустил его старик.

Едва Агат исчез за дверью, ведущей во внутренние помещения дома, на веранду выскользнула молодая миловидная горничная. Она подошла к старику, заботливо поправила сбившуюся подушку, заменила недопитый стакан сока свежим, забрала пепельницу и удалилась так же беззвучно, как пришла. Старик проводил ее равнодушным, невидящим, углубленным в себя взглядом.

Оказавшись на кухне, горничная огляделась, поставила на стол пепельницу с догоревшим списком, достала из кармана своего кокетливого крахмального фартучка крошечный пузырек с пульверизатором и несколько раз брызнула бесцветной, остро пахнущей жидкостью на обугленную бумажку.

На черном фоне обугленной бумаги проступили серебристые, едва различимые буквы.

Горничная достала мобильный телефон, трижды сфотографировала на его камеру проявившуюся на бумаге надпись и тут же отослала снимки какому-то абоненту. Получив подтверждение приема, она тщательно размяла обугленный листок и смыла пепел в раковину сильной струей горячей воды.

Процедура сильно напоминала поступление в тюрьму, только сразу оговорюсь, что сведения мои почерпнуты исключительно из сериалов. Сами посудите: тебя сажают перед камерой и суровым голосом командуют: смотреть прямо перед собой, не улыбаться, не кусать губы и не чесать нос. Потом повернуться в профиль и застыть, волосы не поправлять и не косить глазом по сторонам.

После того как у меня свело судорогой мышцы лица, молодой человек в наимоднейших очках, командовавший процедурой, смилостивился и разрешил повернуться анфас, только велел закрыть глаза. По инерции я собралась вытянуть перед собой руки, ибо происходящее стало здорово напоминать визит к невропатологу. Мне бы не помешало пообщаться с хорошим врачом, успокоительное бы выписал, что ли. Хотя, что толку? Проблем моих никакое лекарство не решит, разве что мышьяк или лучше цианистый калий, чтобы уж наверняка и без мучений. А так получится как в старом анекдоте, доктор спрашивает: помогло? Перестали просыпаться по ночам с жутким воем? Больной отвечает: по-прежнему вою, жена ушла, собака сбежала, но мне, доктор, после вашего лекарства все это теперь до лампочки...

– Откройте глаза, – скомандовал молодой человек, – и почитайте стихи.

– Какие? – растерялась я.

– Любые, какие помните, – в голосе его я услышала явно выраженную скуку, и очки блеснули равнодушно.

Конец! Сейчас меня вытурят! Вожденная работа уплывала в туманную даль.

С перепугу я забыла, что приготовила на выбор два стихотворения Цветаевой и Ахматовой. То есть забыла, что учила вчера весь вечер. Из Цветаевой всплыли две строчки: «И стон стоит вдоль всей земли: «Мой милый, что тебе я сделала!»

Эти слова запали мне в душу накрепко, поскольку за последние две недели я повторяла их слишком часто. С Анной Андреевной же обстояло еще хуже – ну вообще не помню ни слова!

От полного отчаяния и безысходности я начала бормотать первое, что пришло в голову:

Грустно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют.
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика жуют.

Плачет маленький теленок
Под ножом у мясника,
Рыбка бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Бык ревет во мраке ночи,
Ветер воет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе...

Я понемногу начала входить во вкус, голос зазвенел.

– Это вы сами придумали? – спросил молодой человек и даже снял очки.

Теперь в глазах его блеснул несомненный интерес.

– Что вы! – Мне было неудобно его разочаровывать: – Это Николай Олейников, из обереутов... А что, не подходит?

– Ну почему же, подходит. До вас все девушки Цветаеву читали – знаете, это «Мой милый, что тебе я сделала?..». Вот я и удивился. А теперь прочитайте эти стихи лично для меня, как будто хотите сделать мне что-то хорошее.

Вообще-то, это я хотела, чтобы он сделал мне кое-что хорошее, а именно: из всех ста пятидесяти кандидаток, присутствующих на кастинге, выбрал бы меня. Кастинг проводился для фильма о первой русской женщине-авиаторе, и режиссер, как мне объяснили, устал от засилья на экране одних и тех же опостылевших физиономий, и продюсеры разрешили ему искать героиню среди обычных женщин, даже необязательно актрис. И летать уметь необязательно, это-то для меня важно, потому что я не только летать, я на велосипеде-то кататься толком не умею, не говоря уж о вождении автомобиля. А в любовники героини возьмут, к примеру, Машкова, или Меньшикова, или Хабенского, тогда публика пойдет, просто валом повалит, и будут хорошие сборы. А если фильм будет иметь успех, то я прославолюсь и получу потом много ролей. Стану много сниматься, мои фотографии обойдут все журналы...

Перед глазами замелькали кадры: вот я в Московском доме кино на премьере, вот в сопровождении режиссера стою на знаменитой красной дорожке в Каннах, вот – полный триумф! – я на «Оскаре» в шикарном вечернем платье, и Николь Кидман и Пенелопа Крус провожают меня завистливыми взглядами... И где-то там, вдали, у плохо работающего телевизора сидят Альбина с Володькой и смотрят на меня – такую красивую, богатую, знаменитую и недоступную.

«Как же я была не права и несправедлива к бедной девочке!» – вздыхает Альбина и утирает глаза.

«Ты! – пылко восклицает Володька. – Ты виновата во всем! Ты разлучила нас, ты разрушила нашу любовь, ты за все в ответе!»

– Хм! – в мысли ворвалось деликатное покашливание молодого человека в очках. – Так как насчет стихов? Мне можно надеяться?

– Простите! – Вечно меня заносит в самый неподходящий момент. Казалось бы, розовые очки, плотно сидящие на моем носу с самого детства, давно уже слетели под давлением обстоятельств. Так нет же, время от времени я превращаюсь в себя прежнюю и продолжаю мечтать. Во всем, что я представила сейчас так ясно, нет ни слова правды. Разве только слова Володьки, он в своих неблагоприятных поступках обвиняет всех, кроме себя, это его кредо.

Мне же сейчас нужно срочно сосредоточиться и постараться произвести самое хорошее впечатление на своего собеседника. И я забормотала снова про рыбку, быка и теленка, а потом про блоху мадам Петрову, стараясь говорить как можно ласковее. Однако на нежное признание эти стихи ну никак не тянули, и молодой человек сердито блеснул очками.

Тихо прыгает букашка
С беспредельной высоты.
Расшибает лоб, бедняжка,
Расшибешь его и ты! —

вкрадчивым голосом пообещала я своему собеседнику. Получилось неубедительно.

– Ну ладно, – сказал он, – теперь прочитайте эти стихи как перед толпой, как будто с трибуны бросаете не слова, а камни.

Чувствовалось, что ему порядком надоела вся эта фауна, но он привык хорошо выполнять свою работу, оттого и не гонит меня прочь.

Все погибнет, все исчезнет!
От бациллы до слона,
И любовь твоя, и песни,
И планета, и луна... —

загробным голосом завывала я.

– Достаточно, – вежливо прервали меня, – вы свободны.

– А когда я узнаю о результатах? – Для того чтобы задать этот простой вопрос, понадобилось все мое мужество.

– Ну, из всего, что снято, сделают ролик на полминуты и покажут режиссеру. Сами понимаете, решать буду не я, – он снял очки и улыбнулся, отчего лицо показалось обыкновенным и даже приятным. К тому же я заметила, что он не так уж и молод, тридцать уж точно есть. М-да-а, работенка-то у него тоже не сахар, кандидаток почти двести штук, с каждой он возится не меньше получаса, а результат – полуминутный ролик. И так – двести раз.

– Работа есть работа, – он совершенно правильно прочитал мои мысли, – девушки еще ладно. А парни все Маяковского читают, стихи о советском паспорте, представляете? Как будто больше в школе ничего не проходили!

– Сочувствую вам, Гера. – Я прочитала на бейджике «Герман Прохоров» и что-то там еще насчет его должности. Да, собачья должность, что уж тут говорить!

Он снова улыбнулся, развел руками и постучал по своим часам. Все ясно, пора и честь знать.

Каждое утро рядом с набережной в городке Ринкон, как и в сотнях других прибрежных городов Испании, открывается рыбный рынок. На его прилавках груды лежат креветки и рапаны, морские гребешки и лангусты, кишат свежие осьминоги, каракатицы и кальмары, только на рассвете выловленные загорелыми обветренными рыбаками. Все это изобилие шевелится и сверкает на солнце, переливается всеми цветами радуги и издает восхитительный, ни с чем не сравнимый запах моря, запах свежести и дальних странствий.

Домохозяйки и повара, владельцы маленьких ресторанчиков и рыбных закусовых обходят ряды, ощупывают товар, прицениваются к сепии и дораде, к морскому языку и мидиям, к лангустам и «орешкам Сантьяго», к тунцу и морскому черту, выбирают самых крупных креветок и моллюсков. Через три часа этот рынок закроется, непроданный товар заберут оптовики и хозяева лавок-пескадерий.

Ранним утром вдоль рядов рыбного рынка шла высокая пожилая женщина с загорелым лицом и коротко стриженными седыми волосами. С ней уважительно здоровались ринконские рыбаки, хозяева магазинов и закусовых, она отвечала на приветствия сдержанным кивком, разглядывала товар, но ничего не покупала.

Пожилая дама шла на пристань, где ее уже ждал Пабло, хозяин лодки «Санта Кармен».

Увидев на причале приближающуюся женщину, Пабло завел мотор и приготовился отдать швартовы.

Она ловко перебралась по сходням на борт лодки, поздоровалась с хозяином.

На первых порах Пабло норовил подать ей руку, но заметил недовольство клиентки, а кроме того, почувствовал мужскую твердость ее сухой руки и уверенность, с какой она шла по узким мосткам, и больше не повторял своей ошибки.

Это была его самая лучшая клиентка, она постоянно арендовала «Санта Кармен» для прогулок на ближние острова и для рыбалки, хорошо платила и не изводила пустыми разговорами.

– Куда сегодня, сеньора? – осведомился Пабло, отдавая кормовой швартов.

– К Зеленому гроту! – ответила женщина, распаковывая дорогие удочки.

«Санта Кармен», бойко тарахтя мотором, отошла от пристани, прошла вдоль скалистого берега. Поравнявшись с часовней Девы Охранительницы на скале, Пабло перекрестился, привычно пробормотал молитву. Конечно, погода стояла хорошая, и они не собирались уходить далеко от берега, но, как всякий моряк, человек, жизнь которого зависит от таких ненадежных вещей, как ветер и море, Пабло был суеверен, обращал внимание на приметы и предзнаменования.

Лодка вышла дальше в море, сделала широкий плавный полукруг, прошла мимо маленького скалистого островка с характерным названием Козий Рог. Пабло внимательно следил за курсом – неподалеку от островка под водой прятались опасные камни.

Задул свежий северо-восточный ветерок, на бирюзовых волнах появились белесые барашки. Впереди снова показался высокий берег, в котором, словно стрельчатый портал готического собора, темнел провал огромного грота.

Пабло сбавил ход.

Клиентка насадила наживку, установила удочки вдоль кормы, устроилась в шезлонге.

Прошло полчаса, солнце поднималось все выше, ветерок постепенно стих.

Пабло дремал возле штурвала, сонно поглядывая на медленно проплывающий берег. В ведерке на корме плескалось несколько крупных рыбин.

Вдруг клиентка поднялась из шезлонга, окликнула хозяина лодки и попросила подойти к берегу около самого грота.

Пабло знал о ее пристрастии и уже хорошо изучил безопасные подходы к скалам. Приблизившись к крутому берегу на самом малом ходу, он застопорил машину. Лодка по инерции прошла последние метры и ткнулась правым бортом в каменистую террасу возле самого входа в грот. Привязанная к борту автомобильная шина смягчила удар.

Клиентка перепрыгнула с борта на плоский камень, прошла по узкой тропке над самой водой и скрылась в гроте.

Пабло не знал, зачем она туда ходит, да это его и не интересовало. Он надвинул на глаза выгоревшую кепку и снова задремал. На этот раз ему даже снился сон – Дева Охранительница почему-то строго смотрела на него, грозила рукой...

Пожилая женщина углубилась в грот.

Внутри его царил зеленоватый прохладный сумрак, объяснявший название. И еще усиливалось сходство с древним собором – высокий, теряющийся во мраке стрельчатый свод, величественные пропорции, удивительная акустика, усиливающая любой шепот.

Самый древний в мире собор, выстроенный самой природой десятки тысяч лет назад.

Но пожилая женщина приходила сюда не молиться, не любоваться красотами природы.

Она уверенно подошла к маленькой бухточке в глубине грота, над которой ниже, чем в других местах, нависал темный каменный свод. И в этом своде, как в настоящем соборе, виднелось маленькое круглое отверстие вроде слухового окна. Через это отверстие можно было сверху, со скалы, заглянуть в грот, можно было что-то в него бросить. Местные жители знали про это окошко, называли его Глазом дьявола и верили, что, если в полнолуние прошептать в него сокровенное желание, оно непременно исполнится.

Женщина взглядела в зеленоватую воду бухточки и увидела то, что ждала: пластмассовую бутылку из-под пепси-колы.

Сняв ботинки и закатав удобные холщовые брюки, она вошла в воду и достала из нее бутылку.

Внутри находился свернутый в трубочку листок бумаги.

Конечно, в гроте, кроме нее, никого не было, но женщина инстинктивно огляделась по сторонам, прежде чем достать листок из бутылки.

Она использовала такие громоздкие, старомодные способы связи, потому что не доверяла современной технике. Интернет, электронная почта, даже телефон – все это слишком ненадежно. Телефон могут прослушать, электронную почту – перехватить.

Кое-кто из коллег смеялся над ее старомодными привычками. Тот же Сэм Роллинс, например... он говорил, что в наше время нельзя обходиться без электронных средств связи. Заказы принимал через Интернет, так же собирал информацию, деньги за выполненную работу ему перечисляли на кодовый счет в банке на Каймановых островах. Он считался лучшим в их профессии – быстрый, аккуратный, безжалостный.

Так его и поймали – хакер, работающий на Интерпол, вычислил физический адрес его ноутбука, и трое агентов накрыли Сэма в маленькой греческой гостинице.

И другие любители современной техники разделили его судьбу – кого убили при попытке ареста, кто отсиживает пожизненное.

А она, со своими устаревшими методами работы, жива и невредима.

Примером для нее служил один из последних крестных отцов сицилийской мафии – он только потому выстоял в борьбе с законом и дожил до двадцать первого века, что избегал больших городов и не пользовался ни компьютером, ни телефоном. Жил на уединенной ферме в горах, а связывался со своими людьми при помощи записочек, которые носили мальчишки-пастушата.

Так и она – получала записки, которые сбрасывали в Глаз дьявола те, кто нуждался в ее услугах.

Достав из пластиковой бутылки записку, женщина осторожно развернула ее.

Это был список – семь имен, семь адресов, аккуратно выписанных в столбик. Россия, Италия, Кения... Снова Россия... Камбоджа... Австралия... и опять Россия.

Внизу стояла цифра.

Женщина пересчитала нули и удовлетворенно кивнула.

Большая работа, но хорошие деньги.

Она будет вполне обеспечена до конца жизни и наконец-то сможет выйти на покой.

А что? Поселиться в Ринконе навсегда, выходить в море не для прикрытия, а только для рыбной ловли, для прогулок по маленьким безлюдным островкам... в конце концов, что может быть лучше этих скалистых берегов, этого бирюзового моря?

Неподалеку от Ринкона продается чудесный дом на самом краю обрыва, с белым круглым балконом, нависающим прямо над волнами... надо будет прицениться.

Женщина спрятала записку и отправилась обратно. Поднявшись на борт лодки, сказала Пабло, что пора возвращаться.

Перед порталом кафедрального собора Малаги, который местные жители называют одноруким, густо цвели глициния и дамасская роза. На ступенях паперти сидел слепой нищий старик, в шапку которого входящие в храм прихожане бросали мелкие монеты. Старик привычно ощупывал подаяние, чтобы оценить щедрость дарителей и соразмерить с ней свои молитвы.

Возле старика остановилась женщина.

Судя по походке – пожилая, но очень крепкая и выносливая.

Она бросила в шапку одну монету. Старик прикоснулся к ней заскорузлыми пальцами. Монета была необычная – с квадратным отверстием посередине.

Старик поспешно встал, подхватив шапку с подаянием и трость, заменяющую ему глаза. Постукивая тростью, он вошел под тенистые своды собора.

Выждав несколько минут, высокая пожилая женщина в строгом английском костюме тоже вошла в собор.

Пройдя мимо рядов плетеных стульев, она свернула к исповедальне, на которой было написано, что в ней принимают исповедь на португальском языке.

Войдя в темную кабинку, женщина опустилась на скамеечку и вполголоса проговорила:

– Грешина, отец мой... я грешина без меры! Грехи мои тяжким грузом лежат на моих плечах!

– Для того я и нахожусь здесь, чтобы облегчить твой груз! – отозвался из-за деревянной решетки глуховатый голос.

– Что вы должны передать на словах? – прошептала женщина, услышав условную фразу.

– Срок – не более двух недель, – отозвался голос. – И поставка оплачивается только при выполнении всего пакета. Один невыполненный заказ – ничего, кроме аванса. Аванс – как обычно.

Священник ничего не знал о ее работе. Он передавал ей только безопасную информацию и в случае провала не мог быть опасен.

Женщина пошарила под скамьей. Она нащупала там приклеенный скотчем конверт – аванс в чеках на предъявителя, которые невозможно проследить.

Выбравшись на улицу после кастинга, я глубоко вдохнула горячий пыльный городской воздух и поняла, что если не съем сейчас чего-нибудь и не выпью холоденького, то умру прямо на тротуаре. В горле першило от стихов, хотелось чихать от пыли и плакать от разъедающего глаза выхлопа автомобилей. Как люди живут летом в городе? Да и зимой тоже.

Июнь месяц, у меня под окном сейчас распускаются розы. Белая, плетистая, цвета топленого молока и темно-красная. Розовых нету, я вообще терпеть не могу розовый цвет. Еще одуряюще пахнет сирень возле забора, и на кусте жасмина уже бутоны. А про пионы-то я забыла! Небось стоят во всей красе.

Стоп! Опять меня заносит! Где я и где пионы? И розы там же! Их нет, то есть они есть, но меня с ними нету. И никогда больше не будет. От этой мысли захотелось немедленно умереть. Я с ненавистью поглядела на пролетающие мимо автомобили. Ну уж нет, не дождетесь, чтобы я закончила свою жизнь под колесами железного отвратительно пахнущего чудовища!

И я юркнула в первое попавшееся кафе. Там было сумрачно и прохладно, девушка за стойкой разгадывала кроссворд в отсутствие посетителей, по телевизору показывали клип с Димой Биланом. Но звук отключили, так что очень забавно было смотреть, как Дима беззвучно шевелит губами. Сладкого совершенно не хотелось, о десертах со взбитыми сливками на жаре страшно было подумать. Я заказала пиццу с ветчиной и сыром и воду с лимоном, присовокупив, что о кофе подумаю позже.

В кафе не было ни души, сей факт должен был бы меня сразу насторожить, но, как всегда, я не отреагировала вовремя. Напротив, порадовалась, что никто не станет мешать и приставать с разговорами, и выбрала самый дальний столик, рядом с разлапистой монстерой в огромной кадке.

В пиццу никто не догадался положить ни сыра, ни ветчины, зато наличествовал в огромном количестве томатный соус, от которого у меня свело скулы. Воду девица принесла в простом граненом стакане, не слишком холодную, в ней плавал сильно постаревший кусок лимона. Я подавила в зародыше ужасную мысль, что в этом кафе лимон работает переходящим вымпелом, и его перекладывают из стакана предыдущего посетителя в последующий. Такого быть не может, хотя бы потому, что люди в это кафе не ходят, во всяком случае, за сегодняшний день я – единственный посетитель.

Воду надо подавать в высоком запотевшем стакане, заранее выдавив в нее несколько капелек лимонного сока, и чтобы призывно звенели прозрачные кубики льда, а кусочек

лимона сажать на краешек стакана просто для красоты. И обязательно подать соломинку, чтобы тянуть воду не спеша и с наслаждением... Всеми этому меня учила Альбина, и, кажется, я преуспела в науке. Во всяком случае, меня хвалили, и даже Володька признавал мои достижения. До поры до времени.

Делать было нечего, и я, чтобы не уходить из прохладного и тихого помещения, стала думать о своей жизни. Точнее, я пыталась найти выход из того тупика, в который попала исключительно по своей невезучести и доверчивости.

Родителей своих я не помню, они развелись вскоре после моего рождения. Тем не менее они были женаты и даже прожили вместе лет пять. Семейной идиллии помешал ребенок, то есть я. Оказалось, что родители не готовы к бытовым трудностям и могли совместно существовать, пока все было гладко. Все это мне рассказала бабушка, мать отца, она воспитывала меня долгие годы. И рассказала только тогда, когда я подросла настолько, что стала задавать такие серьезные вопросы. Бабушка никогда не ругала никого из родителей, не винила их, а говорила, что я все пойму, когда вырасту. При этом так удрученно качала головой, казалось, что и сама-то она ничего не понимает. И то верно: как могли двое взрослых людей за короткое время так опротивить друг другу, что пришлось бежать на край света без оглядки, бросив четырехмесячного ребенка? Тысячи, миллионы пар заводят детей, многие испытывают трудности, пока их растят, однако мало кому приходит в голову бросить свое чадо. Это уж пожизненный крест.

Я недолго задавала такие вопросы, стало неинтересно. Все же родители у меня были, потому что регулярно раз в месяц на бабушкин счет в сбербанк переводились приличные суммы денег, я росла вполне обеспеченной. Но одинокой. Очевидно, расспросы любознательных соседей, где же находятся мои мама с папой, сильно повлияли на неокрепшую психику подрастающего ребенка.

Училась я так себе, без особого усердия. Ничто меня не интересовало, никаких особенных способностей я в себе не обнаружила. Учителя меня не доставали, делая, видимо, скидку на семейное положение, бабушка ни на чем не настаивала. После школы я поступила в экономический техникум, потому что туда пошли еще две девочки из нашего класса. Одна, впрочем, тут же вышла замуж за военного и уехала с ним в далекую Сибирь. Вторая, Валя Топтунова, училась старательно, она вообще была очень серьезной и целеустремленной девушкой. Возможно, это объяснялось ее феноменальной некрасивостью.

По-прежнему я не находила ничего интересного в учебе, прилежно записывала лекции, не вникая особенно в суть.

Через год случилось знаменательное событие. Бабушка пришла из сберкассы сильно озадаченная и показала мне чек. Ежемесячную сумму урезали наполовину, очевидно, кто-то из моих родителей вспомнил, что их дочери исполняется восемнадцать лет, и посчитал свой долг выполненным. Еще через некоторое время пришло поясняющее письмо от моего отца. Письмо было в иностранном конверте и адресовано бабушке. В нем коротко сообщалось, что отец нашел работу в Бостоне, собирается устроиться там надолго, начинает жизнь с нуля и денег больше присылать не сможет. И все – ни привета, ни поздравления и вообще никакого обращения к собственной дочери.

Впервые в жизни я вышла из себя. Мне захотелось заорать, порвать письмо на мелкие кусочки и растоптать их ногами. Но бабушка глядела так жалобно, и я вдруг заметила, какая она старенькая. Я обняла ее и пробормотала, что мы проживем, я найду работу.

До этого деньги приходили регулярно, и бабушке удалось кое-что отложить. Да еще пенсия и моя стипендия. Так что техникум я окончила, пришлось, правда, сократиться в расходах и подрабатывать по мелочам.

Бабушка к тому времени совсем сдала. Стала часто задумываться или просто застыла на месте, уставившись в одну точку. Она стала отдыхать днем на диване, чего раньше

никогда за ней не водилось. И даже ходила по квартире в халате, и это насторожило меня больше всего, потому что бабушка всю жизнь ненавидела фланелевые халаты, дома одета была аккуратно, как будто ожидала гостей.

Уполовиненные деньги на счет приходили без учета инфляции, так что сумма становилась все меньше и меньше. Я училась в техникуме на бухгалтера, поэтому устроилась по специальности в крупную фирму. Бухгалтеров там было много, мне доверяли только самые незначительные бумажки. Я, как могла, старалась работать аккуратно, чтобы все было в порядке. Денег платили мало, но нам с бабушкой хватало.

Бабушка протянула еще год и умерла быстро, ничем меня не обременяя. После похорон я долго собиралась с духом – нужно было все же написать в Бостон отцу, ведь умерла его мать. Однако того конверта в бумагах бабушки я не нашла, а адрес, разумеется, не запомнила. Как видно, она нарочно уничтожила письмо, чтобы я не вступала ни в какие сношения с ее сыном. Я посчитала, что так тому и быть, и выбросила все из головы. Тем более что не нашла в бумагах никакого напоминания о родителях, даже фотографий не было.

С Володькой мы встретились случайно – он налетел на меня в банке, ударил по руке, так что рассыпались все бумаги. Пока мы вместе их собирали, он заглянул мне в глаза и, по его собственному выражению, понял, что сражен наповал. Помню, что тогда сильно удивилась. Не то чтобы я некрасива, наоборот, с внешностью все обстоит хорошо, не хуже чем у людей, как говорила бабушка, однако в силу семейных обстоятельств я личность малообщительная, замкнутая, не люблю шумные сборища, громкую музыку и многолюдные вечеринки. Толпу тоже не люблю – я в ней теряюсь.

Тем не менее я села в Володькину машину и разрешила подвезти себя до работы. На следующий день он встречал меня вечером.

Вы не поверите, но период ухаживания у нас затянулся на целых три месяца. Не то чтобы я несовременная и не знаю основного постулата каждой уважающей себя девушки: на первом свидании можно согласиться только на завтрак, на втором – на обед и только на третьем – на ужин. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако в случае с Володькой, моим будущим мужем, я неосознанно была осторожной. То есть я вовсе не рассматривала его как подходящую кандидатуру, я вообще в то время не собиралась замуж. И это совершенно верно, перед собой я не стану хитрить. В то время я пыталась научиться жить самостоятельно.

Странное дело: казалось бы, в жизни моей не было любящих заботливых родителей, готовых подставить свои руки и плечи в любой ситуации, готовых преодолеть вместе со мной любые трудности, жизнь не баловала меня праздниками, однако и горьких дней не выпало. Я росла как во сне, вернее, в полудреме. И первым серьезным потрясением, первой утратой была смерть бабушки. Если бы мы с Володькой встретились хотя бы на год позже, думаю, ничего бы не случилось. Я бы вежливо отшила его еще в банке. Или повстречались бы немного и быстро охладели друг к другу.

А так мы гуляли по городу, ездили в Пушкин и Павловск, ходили смотреть на народившихся жирафят в зоопарке, кормили лебедей в Летнем саду. И по прошествии трех месяцев страстно предавались любви в моей нищенской квартирке на продавленном диване. У него встречаться было нельзя, потому что возлюбленный жил с мачехой, и она редко выходила из дома. По его словам, мать его умерла давно, отец женился вторично, и мачеха, Альбина, полюбила пасынка и растила его как сына, даже своего ребенка не завела. Отец умер, но между ними ничего не изменилось, по-прежнему они очень трепетно относятся друг к другу.

Я была сильно увлечена Володькой, и розовые очки намертво приросли к носу. В то время простой звук его голоса будил во мне бурю чувств, один взгляд на его широкие плечи заставлял сладко биться мое глупое сердце, и вид трех волосков над губой, которые он вечно забывал сбрить, вызывал слезы умиления.

До сих пор не пойму, как меня не уволили с работы, ведь я стала все путать и забывать. Однако начальница только пожимала плечами – она-то сразу поняла, что с меня, в смысле бухгалтерии, взятки гладки, долго я у них не задержусь.

Вы не поверите, но каждый вечер мы допоздна разговаривали по телефону. О чем? Да какая разница. Володька казался мне ужасно умным и эрудированным человеком, я внимала ему, как оракулу, и по любому вопросу признавала его мнение решающим. Он же признался мне позже, что по телефону просто слушал мой голос, казавшийся ему очень сексуальным.

Поскольку я была влюблена в своего будущего мужа, как полоумная, мне нравилось в нем все: то, как он ходит – уверенно, чуть вразвалку, как садится в машину, солидно крякая, нравился даже его едва намечающийся животик и небольшие залысины надо лбом – я находила это признаком мужественности. Он был старше меня на пять лет, и это мне тоже нравилось.

Нет ничего странного в том, что я заранее полюбила Альбину. Володька звал ее так, да и все окружающие тоже. Я готова была считать ее едва ли не родной матерью, но первое впечатление не обмануло. Немного покорило меня то, что она слишком много обо мне знала. Знала от Володьки, он рассказал ей в подробностях, кто я такая, где живу и работаю, и всю историю с родителями. Оказывается, я много успела наболтать ему, а когда – и не помню...

Странно, но в изложении Альбины мое происхождение выглядело как-то несолидно, как будто меня нашли в квашеной капусте или принес сомнительный аист – не лощеный красавчик с галстуком «бабочкой», как рисуют на поздравительных открытках, а развеселый выпивоха в расхристанной рубахе навыпуск.

Странно, что я раньше никак не задумывалась об этом. Чего мне нужно было стыдиться? Я ни в чем не виновата...

Немного расстроило то, что Альбина узнала все не от меня самой, а стало быть, Володька тоже все понял неправильно.

Вы думаете, я извлекла из инцидента какой-то урок? Дескать, поменьше болтай, а если уж хочешь рассказать про себя человеку что-то, то сделай это сама, с глазу на глаз. А мужчинам лучше вообще ничего не говорить про себя, поскольку рано или поздно это все обернется против тебя же.

Так оно и оказалось, но не сразу, а по прошествии шести лет. Ровно столько я прожила замужем. Но в то время я была полна радужных надежд, мне безумно хотелось иметь настоящую семью, чтобы все было как у всех – родители, дети...

В монастыре Святого Марка во Флоренции в этот день, как ни странно, было мало посетителей. Служительница, художавая женщина средних лет, клевала носом. Время от времени она вздрагивала и протирала глаза: старший менеджер синьор Луиджи неоднократно предупреждал персонал, что спать на работе категорически запрещается. Ведь они охраняют великие произведения искусства, культурное наследие всего человечества – фрески бесподобного фра Беато Анжелико! Они должны понимать, какое важное дело им доверено, и относиться к своей работе с высочайшей ответственностью!

Конечно, «охраняют» – это громко сказано, несколько пожилых мужчин и женщин просто присматривают за монастырскими кельями и время от времени просят шумных туристов не подходить к фрескам чересчур близко и не фотографировать их со вспышкой...

Синьора Креди, как звали художавую служительницу, была очень довольна этой работой. Ей нравилась серьезная, благопристойная атмосфера старинного монастыря, нравилась царящая в нем тишина. Правда, порой здесь бывало людно, но туристы вели себя чинно, переговаривались шепотом из уважения к этому святому месту. Кроме того (но это маленькая тайна), синьоре Креди нравился нарядный темно-зеленый форменный пиджак.

В келью, за которой наблюдала синьора Креди, вошла высокая монахиня в скромном коричневом облачении. Она с должным почтением осмотрела роспись, а затем повернулась к служительнице и задала ей вопрос на каком-то незнакомом языке.

– Что вы хотите, сестра? – уважительно переспросила женщина, приподнимаясь со стула и прищурив серые, глубоко посаженные глаза. – Вы не говорите по-итальянски?

Монахиня снова что-то проговорила, вплотную приблизившись к собеседнице. Что это за язык? Не английский, не французский, не немецкий... может быть, латынь?

Служительница попробовала заговорить с монахиней по-английски. Правда, она не очень хорошо владела этим языком, но кое-как объясниться все же могла. Но та только улыбнулась и развела руками. При этом широкий рукав рясы немного откинулся, обнажив сильную загорелую руку с зажатой в ней старинной золотой заколкой.

– Я сейчас позову синьора Луиджи, – проговорила служительница. – Он знает несколько языков...

– Не нужно, – ответила монахиня на хорошем итальянском. – Зачем нам синьор Луиджи? Мы с вами и так прекрасно договоримся!

Значит, она владеет итальянским... тогда почему же...

Додумать эту мысль синьора Креди не успела: странная монахиня взмахнула сильной рукой и вонзила острие своей заколки в грудь служительницы, чуть ниже левой ключицы. Синьора Креди открыла рот, чтобы вскрикнуть или вздохнуть, но не смогла сделать ни того, ни другого. Крик застрял в ее горле, как острая рыба кость, а воздуха в келье вдруг совершенно не стало.

На синьору Креди навалилась непосильная, гнетущая тяжесть. Ей на какую-то долю секунды показалось, что грудь придавила могильная плита покойного мужа, синьора Лоренцо Креди. Та самая серая гранитная плита, которую набожная служительница музея аккуратно протирала чистой тряпочкой каждую субботу, когда посещала могилу мужа... та самая плита, под которой и сама синьора Креди хотела быть в свое время похороненной...

Последней мыслью, посетившей ее в эту секунду, было: кто же теперь будет протирать по субботам надгробие, кто будет приносить на кладбище розы или гвоздики?

Ноги синьоры Креди подогнулись, и она упала бы на каменный монастырский пол, если бы странная монахиня не подхватила ее и не опустила на стул.

Со стороны могло показаться, что синьора Креди просто задремала на своем рабочем месте, несмотря на строгие предупреждения старшего менеджера.

Тем временем монахиня начала действовать быстро и собранно. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, она первым делом прикоснулась двумя пальцами к шее мертвой женщины. Пульса не было. Тогда она достала из рукава рясы два предмета: складной нож с перламутровой ручкой и небольшой бархатный футляр вроде тех, в каких хранят перстни и небольшие броши.

Выщелкнув из ножа короткое квадратное лезвие, она отхватила у мертвой служительницы первую фалангу мизинца. Затем она открыла бархатный футляр, достала оттуда красную звездочку с портретом кудрявого мальчика, на ее место положила мизинец, а звездочку аккуратно приколотла на лацкан зеленого форменного пиджака.

Спрятав свой страшный трофей и нож, монахиня еще раз взглянула на синьору Креди. Та казалась со стороны мирно дремлющей.

Монахиня выскользнула из кельи, покинула монастырь Святого Марка, пересекла людную площадь, залитую ярким полуденным итальянским солнцем.

Присев на скамью возле фонтана, она достала из складок коричневой рясы сложенный вдвое листок бумаги и тоненький карандашик. Развернув листок, она внимательно проглядела список и вычеркнула из него первую фамилию.

– Кофе будете? – с непонятной ненавистью крикнула девица из-за стойки.

– А? – Я очнулась от грустных мыслей и поглядела на остывшую пиццу. Зрелище было отвратительное, как будто по тарелке размазали внутренности жертвенного животного. Не понимаю, что могли древние греки увидеть в таком безобразии?

Судя по всему, кофе в этой забегаловке пахнет клопами, а на вкус напоминает удобрение для цветов.

Говорю с полным знанием дела, поскольку после скандала, разразившегося две недели назад, я впала в такое отчаяние, что решила отравиться. Нашла в сарае бутылочку, на которой было написано: «Ядовито. Беречь от детей», и посчитала, что если детям будет плохо от содержимого бутылочки, то мне тоже. Впрочем, особенно не раздумывала, потому что, как уже говорилось, была в невменяемом состоянии. Глотнула из бутылки, но вкус оказался настолько отвратительным, что меня тут же вытошнило удобрением, не причинив особого вреда, эти двое злодеев ничего не заметили.

– Нет уж, спасибо, – решительно сказала я, – мне и пиццы хватило.

– Чего тогда сидите? – агрессивно начала девица, как видно, она одурела от скуки и хотела таким образом пообщаться.

– Слушай, ну что ты вяжешься? – миролюбиво начала я, поскольку не хотелось выбираться на шумную пыльную улицу. – У тебя что – очередь стоит, все столики заняты?

– И то верно, – опомнилась девица. – Извини, что-то я сегодня не в своей тарелке. Давай я кофе сварю, поговорим хоть как люди, а то озверела здесь одна-то... Меня Милой зовут...

– А меня – Василисой, – усмехнулась я. – Можешь комментарии оставить при себе. Прекрасная, Премудрая – это не про меня. Ничего у меня нет – ни ума, ни красоты, ни денег. Времени вот свободного навалом, работу ищу...

Мила в это время колдовала у стойки и через несколько минут принесла и вправду вполне приличный кофе.

– Уйду я отсюда, – вздохнула она, – сама видишь, что творится. Денег – кот наплакал, за квартиру платить нечем...

– А у меня вообще квартиры нету, – еще тяжелее вздохнула я, – у чужих людей перебиваюсь...

Мы поглядели друг на друга с грустью во взоре, потом Милу позвали из подсобки, и она ушла, попросив меня приглядеть за помещением. А я вместо того, чтобы взять себя в руки и подумать, как жить дальше, продолжала вечер воспоминаний.

Собственно, вспоминать было нечего, все произошло буквально на днях, так что забыть я ничего не успела. Тогда я стала рисовать в памяти картину своей семейной жизни, в которой, честное слово, все было не так плохо, я чувствовала себя вполне счастливой.

Володька работал в агентстве недвижимости и зарабатывал неплохо. Тогда как раз начинался квартирный бум, и ему не нужно было бегать по старым районам, расселяя коммуналки. Он просто продавал квартиры в новых элитных домах, на них еще очередь стояла.

Свадьба вышла у нас тихая и скромная, поскольку друзей было мало, а родственников у жениха тоже не имелось никого, кроме Альбины. Зато мы съездили в Турцию, я ведь никогда не была на море. В детстве лето мы с бабушкой проводили всегда одинаково: в городе. Только на две недели отправлялись погостить в Новгородскую область к ее сестре. Потом сестра умерла, и нас больше не приглашали.

Жили мы после свадьбы то там, то здесь, пока Володька не пошел на повышение, теперь он занимался загородной недвижимостью. И однажды мы решили строить дом за городом, чтобы наши будущие дети росли на свежем воздухе. Продали мою квартиру и до поры до времени ютились в их двухкомнатной вместе с Альбиной, пока не пришлось про-

дать и ее. Но дом к тому времени был достроен, так что Володька взял кредит, я бросила работу и полностью ушла в обустройство.

К тому времени прошло уже два года нашей семейной жизни, но о детях не могло быть и речи – в доме одни стены. Надо сказать, Альбина очень мне помогала. Не всегда мне хотелось следовать ее советам, но я утешала себя тем, что она все делает от души, старается как может. Она была слаба здоровьем, как заявила мне сразу же при первой встрече, так что даже не доработала до пенсии.

Я потому вспоминаю все так подробно, что никак не могу понять, что я сделала в своей жизни не так, что упустила и когда было еще не поздно бить тревогу? Отвечу самой себе честно: не знаю.

Время шло, жилище наше понемногу приобретало приличный вид, и если интерьер дома контролировала Альбина, то садом она совершенно не интересовалась. В сад я никого не пускала, это было мое и только мое царство. Я перечитала кучу журналов и книг по садоводству и ландшафтному дизайну, вручную перелопатила гору земли, рыскала по городу в поисках семян и саженцев. Я вставала к рассвете ночью, как к маленькому ребенку, чтобы укрыть от наступающих холодов. Каждую плиточку на дорожках я обтерла своими руками, каждый листик на кустах я погладила, с каждым цветком поговорила. Надо сказать, что растения платили сторицей. Они благодарно тянулись ко мне, цветы раскрывались при моем появлении. Господи, как же я их любила! Неужели сильнее, чем мужа, как бросила мне в сердцах Альбина, когда мы скандалили первый и единственный раз в жизни?

Но это неправда, просто Володька сам отстранился от меня. Он вообще мало бывал дома, мотивируя это тем, что очень много работы. Зато привозил гостей по выходным. Все начинали бурно восхищаться еще у ворот, особенно летом, когда буйно расцветали розы. Дорожка вилась среди благоухающих кустов к каменной лестнице, которая, в свою очередь, заканчивалась широкой солнечной террасой, по углам которой были расставлены каменные вазоны с пунцовой геранью. У не слишком речистых гостей запас восторгов иссякал еще в холле – крупные, нарочно выщербленные плиты, деревянная лестница с резными перилами и бронзовые светильники на стенах, в которые так и хотелось воткнуть факел, а не электрическую лампочку.

Тут я заметила, что в кофейную гущу на дне чашки капнула слеза. Некоторые скажут – глупо и недостойно жалеть о вещах и цветочках, когда жизнь рухнула. Может, и верно, но в тот дом я вложила ощутимую часть своей души, а сад без меня просто погибнет.

Годы шли, жизнь в нашем доме текла безоблачно. Мы никогда не ссорились – муж мало бывал дома, я много работала, Альбина ко мне не цеплялась. В город я выезжала редко – незачем было. Разговоры о детях муж не поддерживал, я тоже со временем перестала их заводить. Мне вполне хватало цветов, да еще иногда нападали сомнения: если родители бросили меня в младенчестве, вдруг я унаследовала их гены и не смогу полюбить родившегося ребенка? Зачем тогда делать несчастным крошечное невинное существо?

Все же иногда приходилось выезжать в город – в парикмахерскую, пройтись по магазинам, поскольку я должна была посещать с мужем некоторые мероприятия, так уж было заведено у них в фирме. Володька к тому времени выбился в заместители начальника фирмы, он вообще преуспевал. И я, идиотка, еще ставила себе это в заслугу – дескать, я хорошая жена, создала мужу крепкие тылы, он может ни о чем не беспокоиться, не отвлекаться на хозяйство, заботы об Альбине и целеустремленно делать карьеру.

Водитель нажал на тормоза, и старенький, выдавший виды джип затормозил, едва не встав на дыбы, как почувствовавшая удила норовистая лошадь. Женщина, которая стояла на обочине с поднятой рукой, подошла, приветливо улыбаясь.

Значит, это ему не почудилось! Здесь, в африканской глуши, в двадцати милях от ближайшего человеческого жилья и в тысяче километров от международного аэропорта Найроби, «голосует» белая женщина!

Женщина была средних лет, высокая и худощавая. Она была одета в пропыленный костюм цвета хаки и пробковый шлем. За спиной у нее был небольшой рюкзак, в руке – чемоданчик вроде докторского.

– Здравствуйте, мэ! – проговорил мужчина, щуря глубоко посаженные, выцветшие от африканского солнца серые глаза. – Простите за любопытство – как вы здесь оказались?

– Меня подвез досюда на своей повозке один темнокожий джентльмен, – ответила дама, – но дальше наши пути разошлись: ему нужно было в поселок Муранга, а я добираться до Нгасуми...

– Нгасуми? – переспросил водитель, вытирая лоб тыльной стороной руки. – Я как раз еду в Нгасуми. Садитесь, мэ.

– Я всегда знала, что все устраивается наилучшим образом! – щебетала дама, забираясь на переднее сиденье джипа. – Я очень верю в судьбу! Видите, как все удачно сложилось? Вы едете именно туда, куда мне нужно!

– Вам очень повезло, мэ! – проворчал мужчина, косясь на странную пассажирку. – В этом месте иногда за несколько дней не проезжает ни одна машина!

– Да, вы правы, – продолжала женщина, запихивая рюкзак под сиденье, – я очень везучий человек!

– А по ночам здесь шляют львы и, что гораздо опаснее, гиены... – продолжал мужчина, выжимая сцепление. – А скажите, мэ... если это, конечно, не секрет... Зачем вам нужно в Нгасуми?

– Вообще-то, я врач, работаю на крупный благотворительный фонд, – ответила женщина, по-прежнему широко улыбаясь. – Но, кроме того, я хочу найти там одного человека...

– Кого именно? – поинтересовался водитель, объезжая колдобину. – Я в Нгасуми знаю всех...

– Мне нужен некто Питер Лански, – дама поправила шлем, посмотревшись в зеркало заднего вида.

– Она! – крикнул мужчина, ударив по тормозам. – Ну и дела, мэ! А для чего вам нужен Пит Лански?

– У меня для него маленькая посылка, – отозвалась дама. – А что – вы его знаете?

– Еще бы мне его не знать! – хмыкнул водитель. – Я каждое утро вижу его помятую рожу в зеркале, когда бреюсь! Питер Лански, мэ, это как раз я и есть!

– О! – Дама всплеснула руками и счастливо засмеялась. – Недаром я всегда верила в судьбу! Надо же, как отлично все сложилось – именно тот человек, который мне нужен, встречается мне на дороге!

– Да уж, мэ, вы и вправду везучая! А раз уж мы встретились, скажите – что это за посылка и от кого она? Честно говоря, я ни от кого не жду никаких посылок!

– Бывает, что человек не ждет, а судьба делает за его спиной свое дело! – проговорила дама нравоучительным тоном. – Посылка вам от некоего доктора Гринвуда из Кейптауна...

– Первый раз о таком слышу! – Питер недоуменно пожал плечами.

– Не знаю, не знаю... может быть, он ваш родственник или знакомый ваших родителей...

– А что за посылка-то? – продолжал расспрашивать заинтригованный мужчина.

– Сейчас я найду ее... – Дама наклонилась, раскрыла свой неказистый чемоданчик и достала из него какой-то небольшой предмет.

Питер Лански поставил машину на ручной тормоз и всем корпусом развернулся к пассажирке.

– Вот она, эта посылка! – Женищина подняла руку, в которой была зажата старинная золотая заколка с длинным острием.

– Что за черт? – удивленно протянул Лански. – Это явно какая-то дамская побрякушка, на что она мне? И что – никакого письма этот ваш доктор Гринвуд не приложил? Никак не объяснил, зачем посылает мне эту штуковину?

– Нет, никакого письма, – подтвердила женищина и вдруг сильным, уверенным ударом вонзила острие заколки в грудь Питера, чуть ниже его левой ключицы.

Питер Лански широко открыл рот, чтобы вдохнуть сухой и горячий африканский воздух, но не смог этого сделать. Ему показалось, что солнце сожгло весь воздух в Кении своими безжалостными лучами, и вокруг – безвоздушное пространство. На него навалилась страшная, неумолимая, гнетущая тяжесть, как будто гора Килиманджаро всем своим весом придавила его к земле. Питер откинулся на раскаленное сиденье джипа, и его угасающие глаза уставились в небо, где медленными сужающимися кругами парил огромный гриф.

Последней мыслью, которая промелькнула в его угасающем сознании, было – что он так и не расплатился до конца за магазинчик, который несколько лет назад купил в расрочку.

Жизнерадостная дама, дождавшись, пока ее доверчивый спутник перестал подавать признаки жизни, прикоснулась к его шее, чтобы констатировать смерть. Затем она достала из своего чемоданчика два предмета – складной нож с перламутровой ручкой и маленькую коробочку из черного бархата. Выщелкнув короткое квадратное лезвие, она умело и аккуратно отрезала у трупа первую фалангу мизинца. Открыв бархатный футляр, дама достала оттуда странную красную звездочку с портретом кудрявого ребенка. Положив в освободившийся футляр палец мертвеца, звездочку она аккуратно приколола к отвороту куртки покойного мистера Лански.

Завершив эту странную, лишнюю на первый взгляд всякого смысла операцию, женищина выбралась из джипа, прихватив свои вещи, и бодро зашагала по пыльной африканской дороге. Вернувшись на то место, где ее, на свою беду, посадил Питер Лански, она свернула с дороги и пошла по узкой тропе, едва заметной среди сухой травы. Пройдя по ней метров двести и обогнув невысокий холм, женищина увидела джип. Бросив вещи на заднее сиденье, она села на водительское место и завела мотор. Однако прежде, чем тронуться с места, достала из кармана своей куртки сложенный вдвое листок и тонкий, аккуратно заточенный карандаш.

На этом листке в столбик было выписано несколько имен и адресов. Одно имя из списка уже было зачеркнуто, и женищина, положив листок на приборную доску, вычеркнула второе – имя Питера Лански.

Сам же Питер, точнее, его медленно остывающий труп, неподвижно сидел за рулем джипа. Гриф, который кружил над ним, начал медленно опускаться, и к нему присоединились еще два.

– Сегодня мне нужно больше круассанов, – проговорила мадам Селье, поправляя шляпку. – К господину Полю приехал племянник из Нанта со своей девушкой. Очень милый молодой человек, но эта особа... знаете, из современных! Ходит по дому в бикини, курит в гостиную, всюду разбрасывает окурки...

– *Что вы говорите!* – *Мадам Маню, хозяйка булочной, пристально оглядывала витрину, выбирая самые пышные булочки. – Что поделаешь, времена меняются... как ваша камелия?*

– *Спасибо, то удобрение, что вы мне дали, делает просто чудеса... но вот дамасская роза никак не соберется расцвести! У всех соседей расцвела, а у меня – ни в какую! А эта особа, которую привез племянник господина Поля, совершенно не интересуется цветами! Представляете – абсолютно не интересуется!*

– *Не может быть!* – *Мадам Маню округлила глаза. – Добавить шоколадных бриошей?*

– *Нет, пожалуй... Но она хоть молодая, что с нее возьмешь, а этот господин с виллы «Ротонда»... пожилой человек, но такой странный! Смотрите-ка, к нему опять пожаловали гости!*

К железным воротам виллы «Ротонда» подъехала маленькая бирюзовая машина – новенький «Пежо». Камера над воротами повернулась, ворота негромко загудели и разъехались. Бирюзовый автомобиль въехал на подъездную аллею, развернулся и остановился перед террасой. К нему подошли двое охранников.

Дверца «Пежо» распахнулась, и на гравий дорожки выскочила худощавая подтянутая брюнетка лет сорока. Один из охранников шагнул к ней, протянул руки... Брюнетка обожгла его взглядом, узкие губы презрительно скривились.

– *Убери руки!* – *прошипела она сквозь зубы.*

Охранник невольно попятился.

– *Вы знаете правила, мадам!* – *проговорил он обиженным тоном. – Не я их выдумал. Дон Александр...*

– *С донем Александром мы как-нибудь сами разберемся!* – *отрезала брюнетка и зашагала к дому.*

Хозяин сидел на самом краю террасы, не сводя глаз с моря. На столике перед ним стоял неизменный стакан сока. Белоснежная собака, лежавшая у его ног, забеспокоилась, подняла голову. Старик повернулся, увидел приближающуюся женщину, и его бледные губы шевельнулись в подобии улыбки.

– *Здравствуй, Инга!* – *проговорил он хриплым, срывающимся голосом, и вдруг закашлялся.*

– *Здравствуй, Алекс!* – *ответила женщина, глядя в лицо старика.*

– *Что – плохо выгляжу?* – *спросил тот, справившись с кашлем.*

– *Ты – сильный человек,* – *ответила брюнетка уклончиво. – Ты справишься...*

В действительности внешний вид старика ее очень беспокоил. За те две или три недели, что они не встречались, Алекс очень сдал. Кажется, за это время он постарел лет на двадцать. Кожа на шее и щеках висела сухими складками, узкие губы приобрели синюшный оттенок, широкие плечи безвольно поникли. Только в глубоко посаженных глазах цвета облачного осеннего неба все еще таилась сила – та сила, благодаря которой он стал тем, кем стал. Та сила, которую чувствовали в нем и мужчины, и женщины. Та сила, которая даже сейчас заставила чаще забиться сердце темноволосяй гостьи.

– *Ты – сильный человек...* – *повторила она.*

– *Был,* – *отозвался дон Александр с грустной иронией. – Когда-то был. Теперь от меня прежнего осталась только тень. Только никому об этом не говори! – Он поднес палец к губам и усмехнулся. – Никому не говори, а то вся моя шайка выйдет из повиновения!*

– *Незачем сдаваться прежде времени!* – *оборвала его брюнетка. – Игра еще не закончена!*

– *А я и не думаю сдаваться!* – *Старик выпрямился, расправил плечи, глаза его сверкнули прежним блеском, блеском закаленной стали. – Когда я сдавался без боя?*

– Вот это – другое дело! – оживилась женщина. – Узнаю тебя прежнего! Но скажи – ведь ты вызвал меня не для того, чтобы жаловаться и вспоминать прошедшее?

– Разумеется! – проскрипел старик. – Я вызвал тебя, потому что только тебе полностью доверяю.

Глаза женщины радостно блеснули: он верит ей! Она ему нужна!

Правда, она знала его давно и близко, и она знала, как он умеет манипулировать людьми, то приближая их, то удаляя. Так что его слова никогда нельзя принимать за чистую монету...

– Ты знаешь, какие у меня проблемы...

Женщина молча кивнула.

– Я поручил Агату решить их, найти нужного человека и доставить его сюда. Кажется бы – не так уж сложно... тем более что вся информация была в его руках. Но он явно не справляется...

Женщина сжала узкие губы, чтобы не показать свою радость: она всегда ненавидела Агата, этого мелкого интригана, который сумел втереться в доверие к боссу...

– Кто-то идет по тому же следу, что Агат, – продолжал старик. – Кто-то убивает людей по моему списку. Когда убили одного человека – это могло быть простым совпадением, но когда то же самое случилось и со вторым... ты знаешь, я не верю в случайности. И никогда не верил. За всякой случайностью стоят чьи-то интересы.

– У кого, кроме Агата, мог оказаться список?

– Ни у кого, – уверенно отозвался старик. – Он не мог попасть за пределы этого дома...

– Но если список не мог попасть ни к кому, кроме Агата, это значит...

– Не может быть, – губы старика скривились, как будто сок в его стакане оказался прокисшим. – Не может быть!

– Ты так веришь этому выскочке? – ревниво спросила женщина.

– Я никому не верю! – отмахнулся дон Александр. – Может быть, только тебе. Но Агат не так глуп, чтобы убивать людей по этому списку. Ведь он сам его подготовил и прекрасно понимает, что будет первым подозреваемым...

Послышались легкие шаги, и на террасе показалась миловидная горничная в кружевном переднике поверх короткого темного платья и в кокетливой крахмальной наколке. Приблизившись к старику, она заботливо поправила клетчатый плед у него на коленях, поставила перед ним чистый стакан.

– Ты сказал, что список не мог попасть за пределы дома... – задумчиво проговорила брюнетка, провожая горничную пристальным взглядом.

– Ты думаешь... – старик поднял брови. – Малышка так мила, так исполнительна... впрочем, ты права – верить нельзя никому. Я скажу Люку, чтобы занялся ею... но, собственно, я вызвал тебя не для того, чтобы решать кадровые вопросы.

Он выпрямился, глаза стали еще холоднее.

Женщина почувствовала, что возникшая на какое-то мгновение в его голосе и взгляде теплота была только способом взять ее в руки. Его обычный метод – приближать и удалять. Метод кнута и пряника. Но она знала его много лет, знала его методы управления людьми – и, несмотря ни на что, была ему предана как собака. Как эта белоснежная собака, которая лежит, свернувшись, у его ног.

Разница между ними была только в том, что собаку он никогда не прогонял.

– Я слушаю! – проговорила она, не сводя глаз со своего повелителя.

– Как бы то ни было, Агат не справляется, а для меня это, как ты знаешь, вопрос жизни и смерти. Так что я хочу, чтобы ты... помогла ему.

– Помогла? – удивленно переспросила женщина.

– Разумеется, он не должен об этом знать.

– Разумеется!

– Подойди ко мне ближе, – приказал старик.

Брюнетка послушно приблизилась, наклонилась к нему. Он зашептал в самое ее ухо.

– Запомнила? – осведомился под конец.

– Разумеется! – ответила она, выпрямляясь. – Вот еще что. На всякий случай запиши для меня адреса для связи в России.

Старик удивленно поднял брови, но женщина уверенно встретила его взгляд, и он прочел в ее глазах безмолвное послание. Сдержанно кивнув, вырвал листок из блокнота, написал на нем несколько слов.

Женщина прочла их, щелкнула зажигалкой и поднесла листок к пламени. Листок вспыхнул, почернел. Опустив его в пепельницу, Инга сдержанно кивнула старику и покинула террасу.

В ту же минуту на террасе снова появилась горничная. Она снова подошла к хозяину, поправила подушку, взяла пепельницу и скрылась во внутренних покоех.

На этот раз взгляд, которым проводил ее старик, не был безразличным.

Войдя на кухню, горничная закрыла за собой дверь, поставила пепельницу на стол, достала пузырек с пульверизатором и несколько раз брызнула на обугленный листок.

На черном фоне проступили серебристые буквы.

Горничная достала мобильник, но прежде чем сфотографировать записку, прочла ее.

На листке было написано:

«Спокойной ночи, и спасибо за службу».

Девушка отшатнулась, как от удара.

В ту же секунду из-за огромного холодильника выскользнула высокая гибкая фигура.

– Прочитала? – спросила Инга и ударила горничную ребром ладони по шее.

Дел у меня никаких нет, я все сижу и сижу в этом кафе, вспоминая свою неудачную семейную жизнь.

Беда, как это обычно бывает, пришла неожиданно. Опущу тут всякие набившие оскомину слова типа, что ничто не предвещало неприятностей, что ни одна тучка до этого не набегала на безмятежный небосклон нашего семейного счастья и что все счастливые семьи похожи друг на друга, и так далее...

Примерно две недели назад, в мае – ну да, две недели и три дня, в конце мая, тогда как раз отцветали голландские махровые тюльпаны – праздновали день рождения Володькиного агентства. Праздновали с помпой, какая-то там была круглая дата. Веселились от души, ничего не могу сказать, шампанским налились под завязку. Я тоже отпустила тормоза – Володька сказал, что домой нас отвезут, так что можно расслабиться. Не то чтобы я люблю выпить, но в тот раз – чудная погода, белые ночи, запах сирени и все такое...

Я не из тех жен, которые на корпоративных вечеринках и праздниках держатся возле мужа как приклеенные, таскаются за ним всюду, как коза на веревочке, не дают ни мужчинам неприличный анекдот рассказать, ни дамам комплимент отпустить. И за столом обязательно садятся рядом, дергают за локоть и прикрывают рукой рюмку, если им кажется, что благоверный слишком много пьет. Володька выпить не дурак, но меру свою всегда знал, уж тут я врать не буду.

Поэтому я дала ему полную свободу, а сама спокойно отдыхала на открытой террасе ресторана. В голове слегка шумело, я лениво размышляла, что бокал вина, который я держала в руке, будет явно лишним. Пьяные голоса шумели вдалеке, визжали дамы, хохотали мужчины, играла музыка – все было как обычно.

Я выбрала самый темный уголок террасы, чтобы отдохнуть. Однако меня все же заметили, потому что вкрадчивый мужской голос сказал: «Вы позволите?» – и кто-то облокотился рядом на балюстраду. Я узнала Олега Ивановича – несколько месяцев назад пришел к ним на работу один такой тип – лет сорока, довольно интересный, вроде бы он у Володьки в подчинении, но точно я не знала.

– Чудная ночь! – начал он дежурный разговор, и я слегка поморщилась, отвернувшись.

– Что такая красивая женщина делает одна в темноте? – сделал он вторую попытку.

Молчать дальше было неприлично, и я рассмеялась.

– Не хотите прогуляться по саду? – предложил он.

Ресторан на Аптекарском проспекте занимал аккуратный особнячок в глубине двора. В свое время люди, купившие здание, снесли все ненужные постройки – гаражи и старые деревянные сараи – и разбили на их месте милый садик, с клумбами, фонтанчиком, красивыми коваными фонарями и тремя скамейками, прятавшимися в густых кустах сирени и жасмина. Сейчас ввиду белых ночей фонари не горели, и жемчужные сумерки разбавлялись причудливым светом китайских бумажных фонариков, развешанных вдоль ограды.

Я поглядела на Олега Ивановича – не растрепанный, глаза не слишком блестят, о том, что выпил, говорит только расстегнутая верхняя пуговка на рубашке да ослабленный галстук – и решила, что с таким приличным человеком не будет никаких неприятностей, а мне полезно прогуляться на свежем ночном ветерке: может, хмель пройдет. Я поставила недопитый бокал на каменное ограждение, Олег Иванович сложил руку кренделем, и мы пошли, чинно и не спеша. Не хватало только веера в другой руке, чтобы томно им обмахиваться!

Мой спутник молот какую-то чушь, я вежливо смеялась в нужных местах и немного ослабила контроль. Между тем мы подошли к самой дальней скамейке, уютно спрятавшейся в кустиках, и я села по приглашению своего спутника.

И тут началось. Как только Олег Иванович утвердил свое весьма упитанное тело на скамейке, он разительно переменился. Исчезла приветливая улыбка и вкрадчивый голос, видимо, он решил не тратить зря времени и, рывком притянув меня к себе, стал шарить жадными руками по груди.

В первый момент я замешкалась, потому что просто обалдела от удивления. Уж слишком внезапно начал он свои действия. Ничто не предвещало... и так далее.

В следующую секунду я попыталась отодвинуться, но скамеечка была маленькая, там и двоим-то едва усидеть, куда уж тут двигаться! Он навалился на меня всем телом и дышал в лицо жарким перегаром. И вообще, был весь красный, всклокоченный, я слишком поздно поняла, что мой спутник здорово пьян.

– Послушайте, – бормотала я, – простите, но...

Он молча впился мне в губы. Держу пари, он вовсе не хотел меня целовать, просто требовалось заткнуть мне рот. Руки все так же нетерпеливо теребили застежку у меня на груди.

Это платье я купила совсем недавно, долго мерила, сомневаясь, уж очень открытый вырез, но девушка из бутика сказала, что к платью есть коротенькое кружевное фигаро. Я прикинула – и согласилась, фигаро удачно прикрывало вырез. Не то чтобы мне нужно было что-то маскировать, однако так я чувствовала себя более уверенно. Альбина без устали внушала мне, что замужнюю женщину украшает скромность, что я ведь не актриса и не топ-модель, а всего лишь жена заместителя директора фирмы, незачем выглядеть вызывающе и выставлять себя напоказ.

Я не стала бы слушать свою свекровь, если бы ее наставления не совпадали с моим собственным настроением, в тот момент я вполне искренне признавала ее правоту. Застежки у фигаро не полагается, и я скрепила его у горла ажурной золотой заколкой.

Олег Иванович потянул тонкую ткань, что-то лопнуло, и фигаро слетело с плеч. Этот монстр издал утробный рык и запустил руки за вырез, больно прижав грудь. Я дернулась и почувствовала, что он укусил меня в губу. Тогда в полном отчаянии я схватила его за волосы и дернула назад что было сил. Он охнул и отпустил наконец мой рот, который наполнился чем-то соленым, наверняка этот подонок прокусил губу до крови. Точно, вот она ранка, да еще и губа теперь распухнет.

Осознав сей факт, а особенно то, как я буду объясняться с мужем, я страшно рассердилась и залепила Олегу Скотиновичу ощутительную пощечину.

– Вы что – совсем рехнулись? – накинулась я на него. – Если перепили, так суньте голову в фонтанчик, остудите пыл.

– С-сука... – прошипел он, схватившись за щеку, – чем ты меня зацепила?

Кольцом. Кольцом с бриллиантом, который подарил мне муж на нашу пятую годовщину свадьбы.

– Сами виноваты, – ворчливо сказала я, – нечего было набрасываться. Я вам повода не давала, подумаешь – по садику прошлись!

Я натянула на плечи злосчастное фигаро и почувствовала себя увереннее. Но тут выяснилось, что потерялась золотая заколка. Я очень расстроилась – заколку дала мне Альбина, и думать нечего вернуться без нее! Я пошарила по скамейке, но, очевидно, безделушка провалилась вниз. Под скамейкой был песок, так что я опустилась на колени и принялась водить по нему ладонью. Проклятые фонари не горели, и в полутьме ничего не было видно. Мой неудачливый соблазнитель отнял от щеки руку, увидел на ней кровь и тут же прижал обратно.

– У вас нет зажигалки? – спросила я. – Я потеряла ценную вещь..

– Нет у меня ничего! – грубо ответил он, вставая, хотя я прекрасно видела, как он курил в начале вечера. – Так тебе и надо, строишь из себя недотрогу, придуриваешься, цену набиваешь...

– Что значит – цену набиваешь? – возмутилась я. – Я вообще-то замужем и мужу своему изменять не собираюсь! Тем более с таким уродом, как вы! И не смейте мне «тыкать»!

– Замужем? – Он издевательски расхохотался: – Ну-ну... Ты дурочку-то не валяй, все знают, что муженек твой живет с Ольгой Петровной!

– Что вы несете? – возмутилась я. – Вы это со злости, что вам ничего не обломилось!

– Ой-ей-ей! – Он замахал руками. – Да нужна ты мне была сто лет! Они уже больше года трахаются, квартира специально снята на Комендантском, и он, муженек твой, жук этакий, еще за счет фирмы ее оплачивает! Умеют же некоторые люди устраиваться! И деньги есть, и любовница красотка, и жена на все сквозь пальцы смотрит!

Так я узнала, что муж мне изменяет – сидя на корточках, шаря в грязном песке, с распухшей губой и в порванном платье. Очевидно, на лице моем все отразилось так четко, что даже урод Олег Иванович понял. Во всяком случае, он сбавил тон.

– Ты это... я не вру, – забормотал он, – все про них знают, они уж и не скрываются. И в Москву в главный офис они всегда вместе ездят, и на семинар в Репино...

Все было: и семинары в Репино, и частые командировки, и мастер-класс в Анталье, и даже какая-то выставка в Париже. Ольга Петровна! Эта наглая молодая девица, да еще недавно ее звали просто Ольгой! Мы с ней прекрасно знакомы, встречались на вечеринках, она даже приезжала к нам домой пару раз, когда муж болел и нужно было срочно доставить какие-то бумаги. А может, это был предлог? Ольга Петровна! Значит, за то время, что мы не виделись, ее повысили в должности, наверняка мой благоверный поспособствовал!

Мне она не нравилась – худая, коротко стриженная, нос длинноват, а губы слишком полные, наверняка гель вкачала. Одевается, правда, неплохо. А ему, значит, нравилась...

– Уйдите, – проговорила я одними губами, – уйдите от меня немедленно.

Подонок не заставил себя ждать и тут же удалился, втянув голову в плечи.

Я пришла в себя от сильной боли – найденная золотая заколка впиалась в палец. Действуя на автопилоте, я поднялась, почистила платье, пригладила волосы и отправилась на розыски мужа.

Если бы я увидела их вдвоем – честное слово, дело могло кончиться плохо. Я просто не смогла бы удержаться, высказала бы Володьке все прямо там, при всех, устроила истерику – в общем, достойно завершила бы вечеринку. Однако муж был в компании сослуживцев. Они лениво гоняли шары в бильярдной и пили виски.

Он оглянулся на меня недовольно – как посмела помешать чисто мужскому времяпрепровождению? Однако сразу понял, что я не в себе, и ничего не сказал.

– Домой, – проговорила я одними губами, – немедленно домой!

Держу пари, что и тогда у него в голове ничего не сверкнуло, паршивец был настолько уверен в себе, а точнее – в моей несокрушимой глупости, что жил себе преспокойненько с двумя женщинами, ничего не опасаясь.

– У тебя голова болит? – спросил он. – Лишнего, что ли, выпила?

В машине я сдерживалась из последних сил. Я кусала губы и до боли сжимала кулаки, громко кашляла, чтобы не скрипеть зубами, и дышала глубоко, пытаюсь хоть немного успокоиться. Не знаю уж, что помогло, но из машины я вышла самостоятельно и даже нашла в себе силы поблагодарить водителя.

Дом встретил нас темной тишиной, только зажегся фонарь у входной двери. Я прошла через холл и зажгла все светильники, чтобы видеть лицо своего муженька во время разговора.

– Скажи мне, дорогой, – протянула я внешне спокойно, – а кто такая Ольга Петровна?

Хоть Олег Иванович и оказался полным подонком, я поверила ему сразу же, очевидно, давно уже подозрения витали в воздухе. Но если бы у меня оставались хоть какие-то сомнения, то в данный момент они развеялись в прах.

При упоминании имени любовницы глаза у Володьки вспыхнули желтым кошачьим огнем и заметались по лицу. Только на одно мимолетное мгновение, он тут же взял себя в руки, но мне этого было вполне достаточно. Я осознала, что жизнь моя напоминает курьерский поезд, с огромной скоростью несущийся в тупик, который заканчивается бездонной пропастью.

– Ну что ты завела тут разговоры... – недовольно заворчал Володька, – поздно уже, я устал... завтра побеседуем...

Я тут же шагнула к лестнице и встала на нижней ступеньке с самым решительным видом, чтобы он не улизнул наверх.

Муженек опомнился, пожал плечами и сказал равнодушно-фальшивым голосом:

– Странные ты задаешь вопросы. Ты и сама прекрасно знаешь, кто такая Ольга Петровна, она бывала в нашем доме...

– А где еще она бывала? – не в силах сдерживаться, закричала я. – Где она бывает давно и слишком часто? В твоей постели?

– Кто тебе наболтал такую ерунду? – праведно возмутился он. – Ленка-секретарша? Или Антонина из бухгалтерии? Они все врут, Ольге завидуют! Завтра же обеих уволю!

– Не надо напрягаться, – на меня внезапно навалилась нечеловеческая усталость. – Я ведь все знаю – и про Репино, и про Париж, и про Анталю...

– Мармарис, – машинально поправил он и тут же понял, что попался.

Мне было безумно стыдно. Я вспоминала какие-то недоговорки и намеки, которым не придавала значения при общении с сослуживцами мужа. Эта Ольга появилась у них в фирме года полтора назад, а если они уже год... Как раз тогда дамы начали при встрече со мной делать большие глаза, а я, кретинка, ничего не замечала... Разумеется, они думали, что я в

курсе, просто мне все равно или не вижу ничего неприличного в жизни втроем. Ведь я эту стерву еще и кофе поила! Печеньем откармливала, чтоб ей подавиться!

– Ну, детка, – благоверный решил сменить тактику, – ну не надо принимать все так близко к сердцу, – ну с кем не бывает случайно... Ну прости меня...

– Простить? – заорала я. – Да ты с ума сошел! Ты с этой... живешь целый год, обманываешь меня почему зря, а теперь мило улыбаешься и говоришь, что это получилось случайно! Да за кого ты меня держишь?

«За полную дуру, – тут же прочитала я в его глазах, – так ты такая и есть...»

Я шагнула к нему, чтобы вцепиться в лысоватую шевелюру, чтобы расцарапать наглые лживые глаза.

– Что случилось? – остановил меня голос Альбины. – Отчего вы так кричите в три часа ночи?

Вот и она собственной персоной возникла наверху лестницы в длинном шелковом халате и кружевном чепце. Прямо как графиня в «Пиковой даме»!

Я не шучу. Она утверждала, что плохо спит по ночам от духоты, а если открыть окно, то голова мерзнет и тогда воспаляется лицевой нерв. Я понятия не имела, что у человека имеется такой нерв, но у Альбины был целый букет непонятных болезней, на двух руках пальцев не хватит пересчитывать.

– Мы тебя разбудили? – встрепенулся Володька. – Вот видишь, что ты наделала, – с упреком обратился он ко мне, – ты же знаешь, что она теперь не сможет заснуть до утра.

«Да мне плевать!» – собралась я заорать, но опомнилась.

– Альбина, идите к себе, – как могла спокойней сказала я, – у нас важный разговор с мужем.

Как бы не так! Глаза у нее странно блеснули, она бодрым шагом почти вприпрыжку спустилась с лестницы и подошла к Володьке вплотную. Мне видно было, как они перемигнулись.

– Сын! – сказала она патетическим голосом. – Я вижу, что это случилось! Жизнь расставила все по своим местам, и наш долг выяснить все до конца. Не нужно прятать голову в песок и слепо верить, что все может остаться в прежнем состоянии! Я твердо верю, что разбитую чашку не склеить!

Я оторопела – о чем это она говорит? Засыпает меня словами, чтобы я увязла в них, как в зыбучем песке?

– Оставьте нас одних! – крикнула я. – Это наше личное дело! Мы сами разберемся!

– Я не могу! – Она повернулась ко мне, и глаза скорбно мигали из-под допотопного чепца. – Я не могу не вмешаться. Я должна помочь своему сыну.

Мне захотелось наброситься на нее с кулаками, потом затопать ногами, заорать что-нибудь несусветное, разбить светильник, сокрушить лестничные перила...

И пока я пыталась взять себя в руки, Альбина начала свою речь.

– Это даже хорошо, что ты все узнала от постороннего человека, – говорила она быстро-быстро, чтобы я не успела ее прервать. – Постороннему человеку все равно, он высказал тебе все, не утруждая себя жалостью. Жалость унижает! Мы же близкие люди, нам было трудно начать этот разговор, мы слишком привязаны к тебе...

– Мы? – не веря своим ушам, прохрипела я. – Вы хотите сказать, что все знали?

– Да! – гордо выкрикнула Альбина. – Конечно, я все знала! К кому сын должен пойти, с кем он может еще поделиться, как не с собственной матерью?

«И вы молчали?» К счастью, я не произнесла этих слов вслух. Подумать только, какая сволочь! Володька уезжал из дому на целый день, а мы с ней оставались одни. Сколько чашек кофе подала я ей прямо в постель, когда этой заразе, по ее же собственному выражению, «не могло!» «Что-то мне с утра неможется, голова кружится, Васенька, детка, принеси

кофейку!» И я, как последняя дура, таскалась с подносами, где был не только кофе, но и горячие булочки, рецепт приготовления которых Альбина любезно вытащила для меня из Интернета, и свежесжатый сок из спелого ананаса, а потом под ручку провожала ее вниз и целый день бегала вокруг нее, принося то плед, то грелку, то минеральную воду, то журнал, то еще что-нибудь!

А она, оказывается, все знала и покрывала этого негодяя, моего муженька! Я представила, как они обсуждают все за моей спиной, он обманывал меня с полного одобрения Альбины! Вот что я ей сделала плохого?

– Что ни дается, все к лучшему! – вешала Альбина. – Бог внял моим мольбам, ты все узнала! Бог решил позаботиться о маленьком беспомощном существе!

– Что вы несете, при чем тут Бог? – машинально спросила я, потому что голова неожиданно заболела и в ушах как будто застучал паровой молот или какой-нибудь формовочный пресс.

– Да-да, Оленька беременна! – торжественно заявила Альбина. – И Володя наконец станет отцом!

– Что значит – наконец? – возмутилась я. – А что ему раньше мешало? Не ты ли, дорогой, всеми правдами и неправдами уговаривал меня подождать с ребенком?

Муженек снова не удостоил меня ответом, вернее, фурия ему не дала и слова вставить.

– Теперь это уже неважно! – Ее голос перекрывал даже шум у меня в ушах. – Нужно думать о малыше! Жизнь сама расставила все по местам! Ребенок должен родиться в законном браке – это раз!

– Что-о? – Откровенно говоря, я не ожидала, что она так быстро повернет дело к разводу. Я-то к такому не была готова. Ну, поскандалили бы, потом я стала бы прикидывать все «за» и «против»... Все же мы прожили шесть лет, я узнала об измене только час назад... А они, оказывается, уже все рассчитали! Еще бы, у них было время, почти год!

– Да! – с жаром продолжала Альбина. – В противном случае у ребенка могут возникнуть комплексы, и это отразится на его здоровье и всей дальнейшей жизни! И к тому же имеет очень большое значение, какую жизнь ведет мать во время беременности, так что Ольге срочно нужно переехать к нам!

– К нам? – как эхо повторила я.

– Ну да, в этот дом, на свежий воздух!

Альбина стояла насмерть, ее пасынок, мой муженек, все же не выдержал и отвел глаза. Если бы не эта... не могу даже подобрать эпитета, он бы не посмел такое мне предложить!

– Вы рехнулись? – спросила я. – Вы думаете, что я позволю ей жить со мной под одной крышей?

– Разумеется, вместе вам жить было бы неудобно! – снисходительно рассмеялась Альбина. – Но мы все посоветовались и нашли выход! У Оленьки есть комната, конечно, квартира коммунальная, но зато в центре. Ты временно, подчеркиваю – временно! – переезжаешь туда, раз уж у тебя нет своей жилплощади...

– А вы не забыли, что свою квартиру я отдала, когда мы покупали этот дом? – против воли заорала я.

Альбина нарочно забалтывала меня бесконечными разговорами, вязкими, как сироп, втягивала в какие-то разборки, вместо того чтобы дать серьезно поговорить с мужем.

– И теперь вы хотите выгнать меня из этого дома, который я создала своими руками?

– Ты только домом и занималась! – вступил Володька, почувствовав твердую почву под ногами. – Вечно возилась со своими цветочками, только о них и говорила!

– Тебя больше ничего не интересует! – вступила Альбина. – Посмотри на себя – волосы, как пакля, глаза размазаны, губы – что это за губы? Сколько раз говорила тебе, что нужно заниматься лицом!

Это точно, сама она вечно накладывает кучу всяких масок и кремов, вон и сейчас еще морда из-под чепчика жирно блестит!

Мне захотелось сдернуть со старой ведьмы чепчик, скомкать его и запихнуть ей в пасть. А потом смотреть, как она будет давиться и кашлять, спокойно наблюдать за ее выпученными глазами и багровыми щеками.

Не помогло.

– Я никуда не поеду! – сказала я по возможности твердо. – Я еще ничего не решила. И если вы не будете вклиниваться между нами, то, возможно, нам все же удастся поговорить с Володей серьезно.

– Да о чем тут говорить? – завопили они хором, я прямо физически чувствовала, что Володька черпает поддержку от Альбины. – Все уже решено!

– Конечно, я понимаю, как тебе дорог этот дом, – сказал муженек рассудительно и весомо, таким голосом он, наверное, разговаривает с богатыми клиентами, – но и ты должна понять. Сейчас у меня трудное положение, но со временем я, конечно, выплачу тебе деньги, чтобы ты смогла купить себе приемлемое жилье, удобное и комфортабельное...

– Может, еще кредит поможешь в банке оформить? – прищурилась я. – С твоими-то связями...

– Возможно, – согласился он, не моргнув глазом, – это будет зависеть от твоего поведения.

– Скотина! – Я снова сорвалась. – Имей в виду: я никуда отсюда не уеду! Я имею полное право на половину этого дома. И мне плевать на твоих внебрачных детей!

– Вот как? – снова вклинилась Альбина. – Я тебе говорила! – заорала она визгливым голосом. – Я тебя предупреждала! Я сразу все про нее поняла! Но ты разве слушал свою мать? Чтобы ты, молодой человек из приличной семьи, женился на какой-то... на какой-то приبلудной кошке! Без роду, без племени, без отца, без матери!

– Что значит – без отца, без матери? – по инерции завелась было я.

– А то и значит! – победно заявила Альбина. – Это ты ему могла впаривать про то, что родители тебя бросили! Да нет их у тебя вообще! И никогда не было! Подкидыш ты! Ублюдок! Мать родила тебя неизвестно от кого и бросила на такую же бабку!

– Оставь мою бабушку в покое! – озверела я. – Ты ногтя ее не стоишь!

– Она еще надеялась ребенка родить! – надрывалась Альбина голосом пароходной сирены. – Да как тебе в голову пришло, что мы тебе это позволим? Да это какая же у ребенка будет наследственность? При такой-то мамочке!

Вот как! Оказывается, для того, чтобы вкалывать как проклятая по дому и на участке, я гожусь. И для того, чтобы подавать ей кофе в постель, тоже! И для того, чтобы выносить за ней горшки! (Бывало пару раз и такое, когда у этой ведьмы, по ее собственному выражению, был полный упадок сил. Ведь и тогда я чувствовала, что она врет, а вот не нашла в себе сил отказаться!)

А теперь я им не подхожу. Тоже мне, голубая кровь, благородные!

И я шагнула к Альбине с намерением вцепиться в чепчик. Но наткнулась на Володьку, который отшвырнул меня плечом. Я больно ударилась о перила и сломалась. Именно сломалась, как кукла. Руки и ноги перестали гнуться, все чувства отказали.

Не помню, как я выбралась из дома, как спустилась по лестнице, как прошла по саду. Очнулась я в сарайчике на окраине участка. Тут-то на глаза мне и попалась бутылка с концентрированным удобрением, и я глотнула его, долго не думая.

Из попытки отравиться ничего не вышло, однако я очухалась и, умывшись холодной водой, решила, что нужно немедленно уходить. Иначе я просто не выдержу – либо повешусь в этом самом сарае, либо убью лопатой Володьку или Альбину. И тогда закончу свои дни в

тюрьме или в сумасшедшем доме. Возможно, потом я найду в себе силы вступить с мужем в переговоры, но сейчас я просто не могу видеть их обоих.

Дверь была не заперта. Сняв туфли, я прокралась через холл и поднялась по лестнице. Наша семейная постель была пуста. Я подавила смешок, представив, как Володька спит на кровати Альбины, а она охраняет его сон, стоя у двери и держа на изготовку ножку от табуретки. Да нет, вот его храп слышен из комнаты для гостей. Все к лучшему, я смогу спокойно собрать вещи.

Я собрала небольшую сумку, прихватила документы и все деньги, что этот жмот выдавал мне на хозяйство. Прямо скажу, там было негусто.

На улице занимался рассвет.

– Простите меня, – сказала я кустам и цветам в саду, – знаю, что вам будет без меня плохо, но уйду навсегда. Прощайте!

Калитка не скрипнула, а собаки у нас не было, у Альбины аллергия на шерсть, и они не разрешали мне завести даже хомяка.

– *Мисс Картер?*

Голос в трубке был женский, немолодой, уверенный в себе. Моника Картер считала себя знатоком человеческой природы – а как же иначе, если она торгует недвижимостью? Так вот, она могла с уверенностью сказать, что эта женщина достаточно обеспечена, одинока и решительна. И что она обладает тяжелым, но сильным характером.

– *Мисс Картер, вы не могли бы показать мне дом Флемингов? Я видела его только снаружи, но он мне очень понравился! Если внутри все на уровне, я его куплю!*

Моника мгновенно изменила мнение о незнакомке: она – просто ангел! Святая! Шестикрылый серафим! Ведь этот злополучный дом Моника не могла продать уже целый год!

Вся беда была как раз в том, что он всем клиентам казался удивительно мрачным. Темный, приземистый, с массивными кирпичными стенами и маленькими окнами, дом Флемингов был расположен на отшибе от городка, среди угрюмых холмов.

Так что, если дом понравился этой женщине внешне, можно считать, что большая часть дела сделана. Внутри дом вполне удобный и комфортабельный.

– *О конечно, я с радостью покажу вам этот дом, миссис...*

– *Мисс Джонсон, – ответила незнакомка.*

– *Я с радостью покажу вам дом, мисс Джонсон! Когда вам было бы удобно?*

– *Прямо сейчас! Подъезжайте к дому прямо сейчас, я тоже буду там, и, если дом мне понравится, мы тут же оформим сделку!*

– *Прекрасно, мисс Джонсон! Я выезжаю! – И Моника поцеловала телефон.*

Неужели ей удастся отделаться от этого мрачного кирпичного уродца, да еще и получить большие комиссионные?

Владелец дома уже отчаялся продать его и в случае успеха обещал Монике огромное вознаграждение. Такое большое, что, если все выгорит, Моника сможет перебраться в Сидней, оставив свой захолустный городишко в австралийском штате Квинсленд.

Моника поспешно привела себя в порядок, прыгнула за руль своего «Лендровера» и помчалась к дому Флемингов.

«Лендровер» она купила не от хорошей жизни и не из соображений престижа. Ей, как риелтору, необходима была мощная машина с отличной проходимостью.

Свернув с шоссе на широкую подъездную дорогу, Моника увидела злополучный дом и невольно вздрогнула. Да, надо признать, что он выглядит довольно зловеще, и человек, которому он мог понравиться, – настоящий оригинал! Но Монике нет дела до психического здоровья покупателя, ей важно состояние его счета...

И тут она увидела рядом с домом Флемингов неприметный темно-синий «Фольксваген».

Торговля недвижимостью – бизнес глубоко психологический.

Настоящий риелтор должен владеть техникой убеждения, чем-то вроде «цыганского гипноза», он должен суметь внушить покупателю, что тот всю свою сознательную жизнь мечтал именно о том доме, который ему предлагают, что именно в этом доме он, покупатель, будет жить долго и счастливо. Причем подвести покупателя к этой мысли нужно незаметно, исподволь, так, чтобы тот не почувствовал, что им манипулируют, чтобы ему казалось, что он сам пришел к такому решению.

Если приходится иметь дело с семьей, риелтор должен с первого взгляда понять, кто в этой семье принимает окончательное решение, кто в этой семье глава. И именно на этого человека нужно направить свои основные усилия. Это может быть муж, может быть жена, может быть старая властная бабушка, распорядящаяся в семье всеми финансами, это может быть капризный ребенок, которого все близкие боготворят и чье мнение оказывается самым важным. В практике Моника Картер был даже такой случай, когда таким «главным членом семьи» оказалась собака, огромная канадская лайка, которая приехала на просмотр вместе с хозяевами. Когда хозяин увидел, что собака почувствовала себя как дома, он вытащил чековую книжку и решительно сказал: «Ну, раз Снапу здесь нравится, то и нам будет хорошо!»

Но, может быть, еще важнее, чем умение найти главу семьи и убедить его в необходимости покупки, это способность быстро понять, действительно ли этот конкретный покупатель настроен на приобретение дома и позволяют ли ему финансы такую покупку. Потому что часто попадают люди, которые в виде бесплатного развлечения осматривают десятки выставленных на продажу домов, вовсе не имея намерения и возможности купить один из них. Такие люди просто бессовестно тратят время риелтора. И в практике Моника такие типы встречались нередко, поэтому она выработала целый ряд приемов, чтобы сразу определить серьезность покупателя.

Одним из таких критериев является его машина. Если человек прибыл на просмотр на дорогом, ухоженном автомобиле, это говорит в его пользу. Хотя иногда встречаются эксцентричные миллионеры, которые из принципа разъезжают на подержанных «Шевроле», считая, что тратить деньги на машину – это выбрасывать их на ветер...

Старый «Фольксваген», который стоял на подъездной дороге, не говорил о высоком материальном уровне покупательницы. Но, в конце концов, лучше потратить впустую лишний час, чем упустить выгодную сделку...

Моника заглушила мотор, поставила машину на ручник и выбралась из нее, предварительно натянув на лицо самую приветливую из своих улыбок.

– Мисс Джонсон? – проговорила она, приближаясь к «Фольксвагену». – Я не опоздала?

– Нисколько, милочка! – ответила, неловко выбираясь ей навстречу, высокая немолодая дама. Дама эта выглядела весьма необычно: она была одета в широкие брюки из плотного черного шелка в узкую полоску, в длинный жакет удивительно яркой расцветки, да еще и расшитый блестками, и маленькую черную шляпку с воткнутым в нее пером серой цапли. На левом локте у нее болталась небольшая театральная сумочка в блестках и облезлой позолоте. Как будто этого было мало, на руках клиентки были черные кружевные перчатки, а на шее болтались на золотой цепочке очки в черепаховой оправе. Казалось, что странная дама посетила лавку старьевщика и нацепила на себя все самое яркое и необычное, что ей там попало.

– Итак, милочка, мы говорили об этом доме. Мне кажется, он такой готический... такое впечатление, что он буквально вышел из ночного кошмара! В нем наверняка живут привидения...

Моника всполошилась. Неужели за полчаса, прошедшие после их телефонного разговора, клиентка успела изменить свое мнение о доме и раздумала покупать его? При такой необычной внешности она наверняка очень взбалмошная...

– Что вы! – воскликнула Моника, поворачиваясь к дому Флемингов. – На мой взгляд, он очень, очень милый... вполне уютный дом для одинокой пожилой леди...

– Вы меня разочаровываете, милочка, – процедила покупательница, поджав губы. – Где вы видите одинокую пожилую леди?

Моника прикусила язык: надо же так проколоться на первых же минутах разговора! Что с ней сегодня? Назвать женщину пожилой, несмотря на ее возраст, совершенно недопустимо! И кто ей сказал, что эта мисс Джонсон одинока? Только потому, что она мисс, а не миссис?

– А главное, милочка, – продолжила покупательница, несколько смягчившись. – Где вы видите милый и уютный дом? Такой дом никогда бы меня не заинтересовал! Я хочу купить именно мрачный, безрадостный особняк, навевающий тягостные мысли... И кажется, это как раз такой дом, какой я ищу! В поисках чего-то подобного я объехала весь Квинсленд...

«Точно чокнутая! – подумала Моника. – Но мне-то что за дело? Лишь бы денежки заплатила...»

– Это именно то, что вам нужно! – воскликнула она с энтузиазмом. – Вряд ли во всем штате вы найдете дом мрачнее этого! Он одним своим видом вгоняет в депрессию...

– А как насчет привидений? – с сомнением осведомилась странная дама.

– Привидений? – удивленно переспросила Моника. – Что-то я не слышала ни о каких привидениях...

– Жаль! – вздохнула клиентка. – Ну что ж, пойдете посмотрим внутри... если мне понравится, я прямо сейчас внесу залог...

– Это замечательно! – вздохнула Моника, вставляя ключ в замочную скважину и открывая дверь особняка. – А скажите, если не секрет: почему вы ищете именно такой мрачный, депрессивный дом?

– Дело в том, милочка, – ответила клиентка, внимательно оглядываясь по сторонам. – Дело в том, что я – писательница, автор «черных», готических романов. Может быть, вы читали один из них – «Кровавое подzemелье», «Призрак возвращается в полночь», «Близнецы-монстры», «Безжалостный карлик»?

– Нет, к сожалению! – вздохнула Моника. – Но я непременно прочту...

– Так вот, чтобы написать новый бестселлер, я решила купить такой мрачный особняк и погрузиться в готическую атмосферу... Но внутри этот дом вовсе не такой мрачный, как я думала! И вы уверены, что в нем нет привидений?

– Надо будет спросить у владельца... – проговорила Моника машинально. – Вот здесь – кухня... в столовой замечательные дубовые панели... наверху шесть спален...

– А здесь что? – с интересом осведомилась мисс Джонсон, толкнув невысокую дверь темного, словно закопченного дерева.

– Здесь кладовая... – заученно сообщила Моника. – Очень просторное помещение, вы можете хранить в нем не только продукты, но и ненужные вещи...

– А что, здесь довольно мрачно! – радостно воскликнула покупательница. – Эти каменные полы... и крючья на потолке... пожалуй, я устрою здесь свой кабинет! А насчет привидения... я более чем уверена, что оно здесь скоро появится! Я чувствую, что меня уже охватывает вдохновение!

– Рада за вас, – пробормотала Моника, которой действительно стало неуютно в полутемной кладовой.

– Кажется, я даже знаю, как будет называться моя новая книга! – не унималась странная леди. – «Призрак риелтора»!

– Как, простите? – переспросила Моника, шагнув к выходу.

– Неважно, милочка, – мисс Джонсон махнула рукой. – Скажите, как вы относитесь к старинным украшениям?

– Честно говоря, никак, – ответила Моника, пытаясь обойти клиентку, которая преградила ей дорогу к двери. – У меня их никогда не было.

– Взгляните на эту вещицу, – продолжала старуха, вытаскивая из своей экстравагантной сумочки старинную золотую заколку с длинным, тщательно заточенным острием.

– Какая странная вещь, – пробормотала Моника, мельком взглянув на заколку. – А теперь давайте осмотрим второй этаж...

– Не сейчас! – ответила старуха и вдруг сильным ударом вонзила острие заколки в грудь Монике, чуть ниже ее левой ключицы.

Моника удивленно открыла рот.

Она хотела то ли закричать, то ли просто вздохнуть... но крик застрял в ее горле, а вдохнуть было нечего – воздух внезапно кончился в этой мрачной кладовой...

На несчастную Моника навалилась страшная, невыносимая тяжесть – как будто вся мрачная громада дома Флемингов придавила грудь.

Последней мыслью, которая промелькнула в ее угасающем сознании, было: все-таки она ошиблась в этой покупательнице, ее подвело на этот раз профессиональное чутье... и еще – никто никогда не купит этот проклятый дом после того, что здесь сегодня произошло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.